

18+

ИЗОБРЕТАЯ ЗЛО

Илья Ермаков

Илья Ермаков
Изобретая зло

«Автор»

2026

Ермаков И. С.

Изобретая зло / И. С. Ермаков — «Автор», 2026

Добро пожаловать в Обскур! Город, где реальность дала трещину. Здесь происходит череда необъяснимых событий: убийство художника, в желудке которого спрятана лестница, уходящая в бесконечность. Исчезновение группы детей, чье сознание объединилось в коллективный разум. Заброшенный старинный особняк и древний культ, совершающий жертвоприношения. А группа старых друзей - патологоанатом, писательница и режиссер — пытается разгадать природу жестокого зла. Им предстоит искать источник кошмара в собственном прошлом, а кому-то из них — сделать выбор между спасением мира и собственным счастьем

© Ермаков И. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Добро пожаловать в Обскур!	5
Глава 1. Оно уже внутри	5
Глава 2. Не стоило возвращаться в Обскур	12
Глава 3. Зло дня сего воскреснет	19
Глава 4. Головы взорвутся	32
Глава 5. Лестница! Винтовая лестница!	38
Глава 6. И стал он слизнем	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Илья Ермаков

Изобретая зло

Часть 1. Добро пожаловать в Обскур!

Глава 1. Оно уже внутри

Мэри Рассел не видела Стэнли Уилсона уже два года с тех самых пор, как он уехал вместе с мамой и младшим братом из Обскура в тихий городок штата Мэн. Тогда ему было четырнадцать. Сейчас он стоял перед ней – в ночи, одинокий, промокший из-за проливного дождя, с обезображенным шрамами лицом. Его слезы смешивались с каплями, челюсть дрожала, а из носа без остановки текли сопли. Стэнли Уилсон, одетый в потертые джинсы, заношенные кеды и куртку цвета хаки, трясся, обнимая себя за плечи, и шмыгал носом. Мэри Рассел обнаружила его на пороге своего дома, открыв дверь незваному гостю.

- Стэнли? – она не сразу его узнала.

- Д-да... миссис Рассел... это я...

- Что... что ты здесь делаешь? Где твоя мама?

Он ничего не ответил, его напуганные глаза метались из стороны в сторону.

- Ты один?

Стэнли несколько раз кивнул.

- Зачем ты вернулся в Обскур? Что произошло?

- Я... я... так за-замерз... миссис Рассел... впу... впустите ме-меня?

- Ох, где мои манеры? Проходи! Ты пешком пришел или приехал?

Стэнли опустил взгляд на запачканные грязью кеды.

- Пе-пешком...

- Заходи в дом. Я как раз заварила чай.

Подросток спешно забежал внутрь. Мэри несколько раз оглядела улицу, но из-за темноты и стены ливня так и не увидела ржавый красный пикап, припаркованный у кромки леса. Пикап, угнанный Стэнли Уилсом, где под брезентом лежали два трупа.

* * *

- С грушей или ежевикой? – бросила Мэри через плечо.

- С ежевикой, будьте добры.

- Конечно! Тебе с сахаром, Стэнли?

- Две ложечки, если можно.

На кухне было довольно уютно. Столешницы из гранита, матовая фурнитура, остров с барными стульями, где дети делают уроки, а взрослые пьют кофе. На холодильнике — магниты из путешествий, детские рисунки и календарь с расписанием каждого члена семьи. Открытые полки с красивыми банками для круп и кружками соседствуют с встроенной современной техникой.

Мэри Рассел любезно приготовила два сэндвича с тунцом, сделала чай и открыла упаковку меренгового рулета, который придерживала для сына Томми. Стэнли помнил Тома, когда сорванцу не исполнилось и шести лет. Мелкий проказник.

- А где Томми? – поинтересовался Стэнли.

- Ночует у друзей. Нагрянул ливень, и я разрешила ему остаться. К тому же, школьные занятия отменили из-за грозы. Пусть отдыхает.

Мэри предложила Стэнли немедленно снять мокрую одежду и переодеться в сухую – шорты и футболку взяла в шкафу у мужа. Но Стэнли наотрез отказался. Мэри не стала долго его упрасивать. Она укутала мальчика в теплое полотенце.

- А мистер Рассел? – спросил Стэнли.

- У себя в Мастерской. Пишет очередную картину. Он не любит выходить, пока не закончит работу. Можешь к нему сходить, но сначала поешь, ладно?

Она составила ему компанию за чашечкой ежевичного чая. За окном гремел гром, сверкали молнии, и барабанил дикий дождь. Тьма царствовала в ночи, накрыв весь город ливнем, словно водяным плащом.

Стэнли увлеченно жевал сэндвич, запивая чаем, и заметил, как взгляд миссис Рассел осторожно скользит по его лицу. Кажется, ей стыдно смотреть на него. Она не хочет глазеть на шрамы.

- Вы боитесь? – спросил Стэнли.

- Что? Нет! Вовсе нет, Стэнли! С чего ты взял? Почему я должна тебя боя...

- Мое лицо. Вы боитесь смотреть на него. Стараетесь отводить взгляд. Я заметил. Смотрите, миссис Рассел, я не против. Это просто царапины.

- И как ты...

- Терновые кусты. Всего-навсего. Я свалился с обрыва, когда бежал сюда, а там...

- Ох! Какой ужас, Стэнли! Надо немедленно обработать раны! Я сейчас...

Мэри уже встала из-за стола, чтобы броситься за аптечкой, но Стэнли остановил ее:

- Сидите, миссис Рассел. Не переживайте так. Мне уже не больно, правда. Это пройдет... я же сказал – всего лишь царапины.

Мэри с неохотой опустила на стул. Она не сделала ни одного глотка, а только смотрела, как Стэнли уплетает сэндвич и меренговый рулет за обе щеки. Томми точно ничего не достанется.

- Очень вкусно, миссис Мэри! Так и хочется называть вас леди Мэри! Этот сэндвич – такое блаженство! Идеал!

Хозяйка залилась краской от подобных комплиментов.

- Спасибо, Стэнли. Я рада, что тебе понравилось. Никого не стесняйся. Ешь на здоровье.

Мэри Рассел – олицетворение образа классической современной домохозяйки: каскадные локоны оттенка «медовый блонд», не тугие завитки, а мягкие, упругие волны; глаза серосиние, словно озерца в лесу; фигура подтянутая, спортивная. Она регулярно занимается фитнесом. Мягкие легинсы, простая домашняя розовая футболка и удобные белые кеды. А напротив нее – худощавый Стэнли Уилсон в промокшей до последней нитки одежде, с серыми стеклянными глазами и шершавым лицом, исчерченным розовыми ниточками-шрамами. Темные нестриженные локоны небрежно сползают на лоб и плечи. У него тонкие длинные пальцы, перемазанные в белом десерте.

Грянул гром.

- Обскур всегда славился своими бурями, - произнес Стэнли, отпив чай.

Мэри сжала пальцы в кулак и слушала юношу.

- Они редки, но вот если начнется...

Кухня озарилась белым светом – сверкнула молния.

- Добра от таких гроз точно ждать не следует, - будто разговаривая сам с собой, Стэнли вернулся к поеданию меренгового рулета.

Мэри Рассел наконец взяла себя в руки. Она настроилась решительно узнать всю правду.

- Что произошло, Стэнли? – она больше не могла сдерживать любопытство. – Почему ты здесь? Где твоя мама? А брат? У тебя же был младший брат? Чарли?

Он спокойно прожевал кусок рулета и сглотнул, запив чаем.

- Мама с Чарли поехали по магазинам. Я в тот день пошел к друзьям смотреть фильмы. И мама с братом... не вернулись. Как мне сказали, там была фура. Они вылетели прямо на встречу как-то... в общем... от них ничего не осталось...

Мэри в ужасе прикрыла рот ладонями.

- Нет... как же так...

- Это жизнь, миссис Рассел. И в жизни всегда есть место смерти.

- Как ты можешь так спокойно об этом говорить? – на ее глазах навернулись крупные слезы.

Он лишь невинно пожал плечами в ответ.

- Когда это случилось?

- На прошлой неделе. Потом я успокоился, собрал вещи и решил вернуться в Обскур. Здесь у меня есть друзья и знакомые. Вернее, я так думал и...

- Ох, Стэнли! – Мэри всплеснула руками и вытерла слезы.

Она не выдержала, подошла к мальчику и крепко обняла его.

- Прости, я ничего не знала, - говорила она.

- Вам не за что извиняться, миссис Рассел.

- Ты можешь остаться у нас. А завтра мы обязательно что-нибудь придумаем, хорошо?

- Спасибо, миссис Рассел.

Стэнли успешно расправился с сэндвичем и рулетом. Осушил чашку с чаем и вытер губы белой салфеточкой.

- Можно мне поговорить с мистером Расселом? – спросил он прямо.

- Конечно, он у себя наверху. На втором этаже... сразу направо и до конца. Ты найдешь его в Мастерской.

- Спасибо вам за вашу доброту и заботу, миссис Рассел.

Стэнли встал из-за стола, шмыгнул носом, втягивая сопли, сглотнул их и направился на второй этаж дома семейства Рассел, оставив Мэри внизу с душераздирающими известиями о скоростижной гибели своих родных.

Он поднимался наверх медленной, но уверенной походкой. После сэндвича и чая слабость покинула тело. Он подкрепился и набрался сил.

Лестница на второй этаж с белыми балясинами и темными ступенями, вела в приватную зону. На стене вдоль подъема аккуратными рядами висели рамы со снимками: от черно-белых свадебных фото бабушек и дедушек до ярких кадров с выпускных, каникул на пляже и первых шагов Томми. Освещала этот путь цепочка маленьких встроенных светильников или изящный подвес над площадкой между пролетами. Наверху открывался неширокий, уютный коридор, застеленный мягким ковровым покрытием. Стены здесь светлые, а двери в комнаты цвета слоновой кости, стояли приоткрытыми, будто приглашая зайти.

В конце коридора Стэнли обнаружил вывеску «Мастерская». Он осторожно приоткрыл дверь. А потом он уже смелее зашел внутрь и провалился в совершенно иной мир искусства и творчества.

Мастерская — это законсервированный хаос, где воздух густ от запаха скипидара, льняного масла и пыли. Свет, пестрый и неровный, льется из десятков ламп и цепляется за тысячи взвешенных частиц. В этом пространстве царит творческий беспорядок, система, понятная лишь одному человеку. Стены испещрены мазками-пробниками, забрызганы краской и заклеены пожелтевшими эскизами. На полу, покрытом коркой засохшей глины, каплями акрила и масла, нет свободного пятна — всюду стайки неоконченных работ: вот холст, прислоненный лицом к стене, вот скульптура, укутанная в мокрую тряпку, а вот деревянный макет винтовой лестницы в человеческий рост, ведущей в пустоту под потолок. Кисти торчат из жестяных банок, словно пучки высохшей травы. Шпатели и мастихины с застывшей на них цветной коркой валяются на столе рядом с чашкой окаменевшего кофе. На верстаке соседствуют глина в

ведре под влажной мешковиной и набор резцов по дереву. В углу замер велосипедный станок для скульптуры, его поворотный столик покрыт тонким слоем белой пыли.

Но главные обитатели — холсты. Они повсюду: на мольбертах, прислонённые к балкам, сложенные в стопки. И на них, снова и снова, одни и те же образы, будто навязчивый сон. Маяки — то хмурающиеся под свинцовым небом, то освещенные неестественно ярким, почти болезненным лучом, бьющим из-за туч. Мрачная деревушка — призрачные домики, жмушщиеся к обрывистому берегу, с темными глазницами окон. Ни одного жителя, только одинокая лодка у пустого пирса. Винтовые лестницы — то каменные, оплетающие маяк, то железные, парящие посреди комнаты или уходящие в штормовое море. Они всегда ведут вверх, но на их вершине нет платформы — только сломанные перила и пустота.

А вот и сам Творец – Рассел Рассел (надо же было так назвать ребенка!) – стоит, скрючившись над очередным творением. Стэнли Уилсон наблюдал за работой художника, словно приведение.

Средних лет, с бородой, в которой, застыли серебряные нити и брызги ультрамарина. Он не пишет — он стоит в стойке, будто боксер перед тяжелой работой. На нем застиранная серая футболка и грубые штаны, превращенные в палитру брызгами цветов. Его движения размеренны, почти ритуальны. Правая рука с кистью замерла в воздухе, левая — сжимает тряпку и мастихин. Взгляд его не на холсте, а где-то сквозь него, будто он видит не грунтованный лен, а туманный берег своей навязчивой мысли. Он сделал шаг к мольберту, и кисть, точным, почти хирургическим движением, оставила на холсте длинный, тоскливый мазок — линию горизонта. Ту самую, что отделяет свинцовое небо от черной воды на всех его картинах.

Он отошел, прищурился. Вернулся. Взял другой инструмент — узкий шпатель. Кончиком пальца он смешал на деревянной палитре, лежащей на табурете, два оттенка: пепельно-серый и цвет гниющей водоросли. Этой грязной, сложной смесью он лепил объем каменной кладки маяка. Пальцы в пятнах, ногти очернены умброй, но движения уверенные. Он знал каждый камень этой башни наизусть, хотя никогда ее не видел.

Вдруг он замер. Что-то не так. Что-то в изгибе винтовой лестницы, что вьется внутри маяка на еще сыром холсте. Он отбросил шпатель в жестяную банку с лязгом, схватил тряпку и стер только что написанный участок одним резким, почти яростным движением. Потом он сделал глоток остывшего чая из потресканной кружки. И снова подошел к холсту, уже с тонкой кистью, чтобы прорисовать одинокое окно в верхней части башни — темное, пустое, не сулящее ни света, ни спасения.

- Мистер Рассел...

И тут он ожил, словно вернулся в реальный мир после долгого кошмарного сна.

Рассел Рассел смотрел на Стэнли глазами, которые еще не в силах отличить реальность от воображения.

- Стэнли? Стэнли Уилсон? Это, правда, ты?

- Да, мистер Рассел. Это я.

- Что... что ты здесь делаешь? Ты, разве, не уехал из Обскура в другой штат?

- Все верно, мистер Рассел. Но жизнь сложилась так, что мне пришлось вернуться. Это... долгая история. Давайте я как-нибудь позже ее вам расскажу, после работы. Можно... можно посмотреть ваши картины?

Мистер Рассел опешил. Он выгнул брови, но поборол любопытство, не став донимать юношу расспросами. Рассел вытер запачканные краской пальцы о тряпку и неуверенно предложил Стэнли осмотреть рабочую галерею.

- Да, Стэнли, конечно, можешь посмотреть. Но сразу скажу – здесь нет ничего интересного.

Стэнли принялся ходить по Мастерской, разглядывая изображения старой прибрежной деревеньки и маяка.

- А что это за место? – спросил он.

- Это... эм-м... как сказать... мои сны. Я часто вижу Разлитый Узел во снах.

- Разлитый Узел? – переспросил Стэнли. – Так это совсем рядом. Вы там бывали, мистер Рассел?

- Только проездом. Но он мне так запал в память, что стал сниться. И я решил, что это намек – стоит написать его. Но пока я... не могу добиться идеального образа.

Стэнли молча расхаживал по Мастерской, словно посетитель выставочной галереи, оценивая каждую картину. Потом он набрел на большой холст, накрытый белой тканью.

- А что там, мистер Рассел?

- Там... ну... в общем-то...

Он подбежал к картине и взялся за край ткани.

- Покажете? – спросил Стэнли Уилсон.

- Собственно... почему бы и нет? Она уже закончена.

Одно резкое движение, и ткань сползла с холста, являя взору Стэнли гипнотизирующее изображение винтовой лестницы.

- И как она называется?

- Бездна.

- Просто и прозаично. Мне нравится, мистер Рассел.

Картина написана с жуткой, затягивающей перспективой — вид строго сверху, в темный зев колодца. В самом центре полотна — идеально круглое, угольно-черное отверстие. Это не просто тень, а густая, бархатистая пустота, которая, кажется, поглощает свет и мысль. От этого ядра, как от сердца чудовищной раковины, расходится закрученная по часовой стрелке винтовая лестница. Ступени узкие, каменные, стертые по краям бесчисленными шагами. Они уходят вниз, сужаясь с пугающей правильностью. Перил нет. Ничего, что могло бы остановить падение. Только холодный, влажный камень, уходящий в черноту. Первые несколько витков еще можно разглядеть: на них видны трещины, пятна непонятной влаги и что-то, напоминающее царапины или бледные, смазанные отпечатки. Единственный источник света — холодный, лунный, льется откуда-то сверху, с точки, где стоит зритель. Он скользит по ближним ступеням, выхватывая шероховатую фактуру камня, но уже через полтора оборота свет слабеет, тонет. Там, в глубине, тень становится плотной, жидкой, дышащей. Кажется, будто в самой сердцевине этого туннеля что-то шевелится — не форма, а сама тьма пульсирует, приглашая или поджидая. На одной из ступеней в средней зоне, где свет уже борется с мраком, лежит одинокий, разбитый фонарь с потухшим стеклом. Чуть ниже, на следующем витке, видна темная, маслянистая лужица, от которой тянется прерывистый, скользящий след, обрывающийся у края ступени. И самое тревожное — искажение перспективы на последних различных витках. Ступени кажутся уже не горизонтальными, а слегка наклоненными внутрь воронки, будто вся конструкция не просто ведет вниз, а засасывает.

- Как вам метеоритный дождь, мистер Рассел?

Рассел затормозил. Он проморгался и не сразу понял вопрос Стэнли.

- О чем ты? – переспросил он.

- Дождь падающих звезд. Вы его помните? На прошлой неделе. Вы должны были его видеть. Говорят, именно из Обскура на него открывалась отличная перспектива!

- Да-да... кажется... я что-то такое припоминаю, Стэнли. Звездопад... да, я помню его!

- Вы что-нибудь почувствовали в тот момент, мистер Рассел.

- Хах! Конечно! Такое воодушевление!

- Воодушевление? А что-то еще? Например, дискомфорт в желудке?..

Мгновение, и все переменялось: Рассела сковывал страх, а Стэнли пульсировал уверенностью и яростью.

- Откуда ты знаешь...

А потом в руке Стэнли Уилсона появился пистолет, который он лихим движением достал из штанов.

Юноша направил дуло на художника.

Рассел в ужасе и растерянности поднял руки и попятился назад, спрашивая:

- Кто ты такой?

Но Стэнли будто не слышал вопроса. Он сказал:

- Оно уже внутри...

И Рассел напрягся еще сильнее. Этот парень, кем бы он ни был, знал куда больше, чем казалось.

- Оно уже внутри вас, мистер Рассел.

Стэнли сделал шаг навстречу Расселу, сокращая из без того небольшое расстояние между ними. Рассел отступал, пока не уперся спиной в стену.

- Нет, Стэнли, нет... не надо! Послушай! Не делай этого! Ты же ведь не убийца...

Стэнли ехидно улыбнулся и произнес:

- С чего вы взяли?

Рассел вскрикнул от ужаса. Он хотел что-то закричать, но Стэнли его остановил:

- Сохраняйте тишину, мистер Рассел. Вы же не хотите, чтобы ваша жена нам помешала.

- Мэри! Что ты с ней сделал, ублюдок?

- Ничего. Пока. Она внизу. Думает о том, как умерли моя мама и братец. Я навесил ей лапши на уши про аварию на шоссе. Но моя семья... куда ближе, чем кажется. Оно добралось до них... мне пришлось это сделать...

И Рассел в ужасе все понял.

- Прошу... не надо...

- Оно внутри вас. И его надо убить. Таков выход...

- Нет, Стэнли, нет! – голос Рассела сорвался на крик.

Выстрел.

Прогремел гром.

Стэнли стоял, зажмурив глаза, а из дула пистолета струилась тонкая струйка дыма. Когда он открыл глаза, то увидел перед собой труп Рассела с кровавым пятном на груди.

Снизу раздался голос Мэри Рассел:

- Рассел?! Что там случилось?!

И шаги. Она уже идет.

Стэнли пришлось действовать незамедлительно. Он спрятался за входной дверью Мастерской и терпеливо дождался, пока Мэри войдет. Шаги затихли. Она открыла дверь и замерла на пороге Мастерской. Раздался женский вопль.

И Стэнли вышел на сцену. Раз – он ударил Мэри в лоб рукояткой пистолета наотмашь. Два – она повалилась на пол и стукнулась головой о край глиняной статуэтки. Три – он навалился на женщину сверху и прикрыл ей рот ладонью.

Их глаза встретились.

Мэри Рассел смотрела не на бедного мальчика, потерявшего родителей. Она смотрела на убийцу своего мужа.

- Даже не смей сопротивляться, грязная шлюха, или я тебя изнасилую прямо здесь. И пока я буду тебя трахать, ты будешь смотреть на труп своего мужа. А потом ты кончишь, глядя в его мертвые глаза...

Мэри Рассел пыталась сопротивляться, но хватка Стэнли Уилсона оказалась слишком крепкой. Она ворочалась и ныла, а по щекам струились слезы.

- Как вы не понимаете?! – взревел Стэнли. – Я должен был это сделать! Оно было внутри него! Я должен был убить его! Иначе бы оно убило меня...

Стэнли Уилсон наконец заплакал.

- Я не маньяк-убийца! Оно добралось до мамы! До брата! И я сделал это с ними! Я не знал, как им еще помочь! И ваш муж! Оно указало на него! Оно сказала, что я должен это сделать! Оно было внутри! И я не мог поступить иначе! Простите! Простите меня, миссис Рассел! Господи, помилуй меня, грешного! Господи, избави меня от лукавого! Господи, спаси мою душу! Я не хочу в Ад! Не хочу! Не хочу! Не хочу! Господи Иисусе, пожалуйста! Пожалуйста! Пожалуйста! Пожалуйста! Господи Боже!

Когда Мэри Рассел ощутила послабление хватки Стэнли Уилсона, то смогла толкнуть его коленкой в живот и вырваться. Но Стэнли оказался проворнее. Он вскрикнул:

- Я же сказал, не рыпайся!

И ударил Мэри кулаком по носу, брызнула алая струйка. Ее тело откинулось назад, она упала и потеряла сознание.

Стэнли, вытирая слезы и сопли, поднялся на ноги. Он осмотрел Мастерскую, труп мистера Рассела и тело Мэри Рассел. На мгновение в нем появилось желание воспользоваться обстоятельствами исполнить то, чем он ей угрожал. Его рука уже потянулась к ширинке штанов.

Но потом... потом он вспомнил о деле. Надо бежать.

Стэнли Уилсон сорвался на бег, покинул Мастерскую, спустился вниз по лестнице и помчался сквозь пелену холодного ливня к своему пикапу, где его ждали тела мамы и младшего брата.

Глава 2. Не стоило возвращаться в Обскур

Энтони Фэйр несколько раз чиркнул большим пальцем о колесико зажигалки, но огонек так и не зажегся – только искры мельком вспыхнули.

- Зараза!

Он сидел на ступеньках крыльца своего дома и держал между зубами сигарету «Winston» с шоколадной кнопкой. На улице моросило. Мелкие капли брызгали по лужам, оставшимся после прошедшего ливня.

Утро у Энтони не задалось с самого начала.

- Хотя бы ветровку надел, простудишься же, - на крыльцо вышла его сестра, Анна Фэйр.

- Зажигалка есть?

- Да, сейчас.

Она сунула руку в карман джинс и вынула зажигалку. Брат взял ее и с интересом взглянул на сестру.

- Давно? – спросил Энтони.

- Со второго курса.

Она присела рядом и попросила:

- Маме не говори.

- Пф, мы уже не дети. Делай, что хочешь.

- Спасибо.

Энтони поджег сигарету и закурил.

- Будешь? – он достал пачку.

- Не сегодня. Настроение не то.

- А ты куришь, когда у тебя хорошее настроение?

- Для эстетики.

- Вот оно как! А я уже бросал, знаешь ли. Потом бросил бросать. В итоге курю, когда мне по-настоящему хреново...

- Вы были хорошими друзьями, Энтони. Ты имеешь право горевать.

Энтони вместо ответа выпустил в воздух серое облачко дыма и перекусил кнопку, ощутив между зубами слабенький щелчок – чпок. Теперь вкуснее.

- Надолго решила остаться? – спросил он у сестры, которая приехала к нему из Нью-Йорка погостить на лето.

- До середины августа, - ответила Анна, - ты же не против.

- Нет, конечно. Пожалуйста. Оставайся хоть на все лето! Просто...

- Что? – она внимательно изучала печальное лицо брата.

- Если бы я уехал однажды, я бы никогда не возвратился в Обскур.

- Дело в городе?

- И да и нет...

- Не стоило возвращаться в Обскур?

Энтони лишь пожал плечами и бросил в воздух безразлично:

- Ты сама этого захотела. И что теперь? Мы едем на похороны моего друга, которого застрелил какой-то больной малолетний псих в его же собственном доме. Эта ситуация прекрасно описывает всю суть этого города.

Анна застегнула бардовую ветровку и спрятала пальцы в рукава, пытаясь согреться. Середина июля выдалась холодной и промозглой. Такие себе летние каникулы.

- Как дела на истфакте? – Энтони сменил тему.

- Нравится. Правда. Там здорово. И ребята классные. У меня есть друзья, хорошая компания. Но на лето мы все разъехались. И я подумала, что хочу провести каникулы со своим братом в морге.

- Хех, не смешно.

- Ты же не будешь его вскрывать?

- Нет. Никакого вскрытия не будет. Рассела просто закопают.

Энтони посмотрел куда-то вглубь пустой серой улицы, заставленной одинаковыми аккуратными домишками с постриженными лужайками. И по щекам от одних мыслей о том, что его дорогого товарища Рассела Рассела больше нет, потекли слезы.

Челюсть дрогнула от плача, и он чуть не поперхнулся дымом. Какой-то жалкий кусок дерьма застрелил его школьного друга... какого черта творится в Обскуре?! И когда этот кошмар закончится?

- Энтони...

Анна, увидев слезы брата, обняла его и опустила голову ему на плечо.

- Прости, - он вытирал слезы.

- Ты имеешь полное право выплакаться. Впрочем... я первый раз вижу твои слезы...

Энтони не выдержал.

Он выбросил сигарету на каменную плитку крыльца и заплакал, закрыв лицо ладонями. Он так давно не плакал... он не помнил, когда плакал в последний раз.

Но сегодня можно.

Анна заботливо обнимала брата, которого была младше на семь лет. Она ничего не говорила, а просто дала Энтони возможность выплакаться.

В Обскуре всегда было мало солнца, а потому лицо Энтони с самого детства все тридцать лет не меняло своего бледного оттенка. В последнее время он следил за собой все меньше: отпустил колючую щетину и лохмы темных немых волос, небрежно спускающихся на плечи. А из-под никудышной челки выглядывали серые глаза, затерянные в темных впадинах над грубыми розовеющими валиками-мешками. Энтони всегда мало ел, а теперь исхудал окончательно и даже джинсы на нем смотрелись мешковато. Он всегда носил простую одежду – черные свитера или зеленые футболки, бурую ветровку и черные ботинки. На работе в морге, где он занимался вскрытиями, он носил нестиранный мятый медицинский халат. В какой-то момент жизни ему стало плевать на все, и он принял философию абсолютного пофигизма. Вот только смерть Рассела в конец выбила его из колеи пустого безрадостного спокойствия и надоедливого умиротворения.

Анна Фэйр, теперь уже жительница мегаполиса, выглядела куда лучше своего увядающего брата. Светлая румяная кожа, стройная фигура, зеленые большие глаза и хвост каштановых пышных локонов. Она носила приталенные зауженные джинсы, бурые сапожки на низком каблуке, белые футболки и темную кожанку. В свои двадцать три года Анна была в расцвете сил, полная жизни и энергии – то, чего Энтони так давно не хватало в вечном хмуром пасмурном Обскуре.

- Твои друзья приедут? – Анна осторожно нарушила молчание.

Энтони вытер слезы и постарался взять себя в руки: все-таки уже пора ехать, чтобы не опоздать.

- Да, все, кто остался.

- Я их знаю?

- Возможно, ты вспомнишь Элис. Она книжку написала. И не одну, вроде как. Там еще будет Маркус, режиссер.

- Ты про них рассказывал, я помню. Вас всего трое?

- Теперь, да... Мэри на год младше, поэтому она не была частью компании. Рассел с ней стал встречаться уже после... после того, что произошло тогда... Бедная Мэри. У нее остался

Томми, славный малый. Парнишке будет тяжело расти без отца. Мэри... сильная, да. Она справится, но сперва им обоим будет очень непросто. Буду помогать, чем смогу. Иначе зачем я здесь, верно? Если в этом городишке не держаться вместе, то он быстро вас сожрет. Он уже приступил к трапезе...

Анна поежилась. Энтони заметил, что ей стало не по себе от его слов. Но так оно и было: Обскур начал жатву. И Энтони отлично понимал, о чем говорил. История повторялась.

Энтони поднялся на ноги и закрыл дверь дома. Он проверил ключи в кармане и взглянул на сестру:

- Я вас познакомлю. Элис тебе понравится, она милая. А Маркус... тоже ничего. Впрочем, скоро сама увидишь. Нам пора. Поехали провожать Рассела Рассела в последний путь.

* * *

Кладбище «Silent Oaks» с зеленым лугом напоминало скорее ухоженный парк, чем мрачный погост. Пасмурное летнее небо висело низко, затягивая пространство молочно-серой пеленой. Воздух влажный, теплый и неподвижный, пах мокрой землей и скошенной травой. Невесомый дождь беззвучно моросил. Он лишь висел в воздухе серебристой дымкой, оседая на темные пиджаки, зонты из черного нейлона и на полированную поверхность гроба у могилы. Капли, размером с булавочную головку зиждились на лепестках белых лилий и на кончиках травинок, превращая луг в сияющее, хрустальное поле.

Тишину нарушали только приглушенный шепот, сдержанное сморкание, да хлюпающий под ногами влажный грунт. Люди в черном — строгие костюмы, платья ниже колена, шляпы с вуалетками — казались темными островками посреди изумрудного моря. Их черное — это не единая масса, а оттенки: угольный бархат, матовый шелк, лакированные туфли, впитывающий весь свет.

Слова пастора о вечном покое и светлой памяти растворялись в моросящем воздухе. Люди слушали, опустив головы. Капли дождя стекали по щекам, и не всегда понятно, где дождь, а где слезы. Дождем словно сама природа разделяла молчаливую печаль, омывая место прощания.

Черные костюмы, белые и красные цветы. Энтони запомнились эти краски. Гроб был закрыт, а потому образ Рассела оставался в его памяти живым, а не мертвым. Он даже был рад, что ему не пришлось проводить вскрытие тела своего друга.

Обскур — город маленький. На похороны пришли почти все. Весть о страшном убийстве потрясла всех. Теперь люди задумывались о том, что среди них может обитать убийца и тщательнее закрывали двери домов на ночь. С этого дня уж точно мало кто откроет дверь незваному гостю, явившемуся к порогу в ночи.

Но как можно было подозревать потерянного шестнадцатилетнего парня, которого когда-то знали на каждой лице Обскура? Весть о том, что убийца был здешним подростком, поражала куда больше, чем вся ситуация в целом.

Энтони смотрел на портрет под стеклом с черной ленточкой, на котором его школьный розовощекий приятель с густой бородой довольно улыбался в камеру. Художник, верный муж и заботливый отец. А еще преданный друг. Обскур потерял не просто гражданина, а очень хорошего человека. А Энтони потерял частичку жизни и прошлого, о котором теперь можно только вспоминать.

Энтони осторожно поглядывал на Мэри Рассел, прижимавшую к себе сына. Пускай ее лицо было прикрыто вуалью похоронной шляпы, он знал, что ее глаза красные от бесконечных слез. Ее плечи судорожно подрагивали. А Томми... восьмилетний светловолосый мальчуган не плакал. Его взгляд был пустым. Наверное, он еще не пришел в себя после шока от трагического известия.

Пастор закончил читать молитвы. Гроб опускался в могилу. Энтони стоял в окружении своих близких друзей, приехавших из далеких штатов специально на похороны друга. Маркус

Хилл и Элис Мур стояли прямо за его спиной и наблюдали за тем, как гроб из красного дерева медленно уходит под землю. Анна не отпускала руку брата ни на минуту.

Как и Энтони, Маркусу и Элис было уже тридцать. Элис сошла бы за строгую и аскетичную, если бы не глаза — два осколка зимнего неба, слишком ярких, слишком видящих. Раньше их скрывали стекла очков, но теперь взгляд открыт, и эти чудные озерца находятся под защитой контактных линз. Ее черные волосы — идеальное каре до плеч, ровная, как по линейке, линия. Она никогда не носила женственные платья, а только добротные, немного грубоватые джинсы, сверху — мужская рубашка: в рубчик, поношенный лен. Воротник часто расстегнут на одну-две пуговицы. Из украшений только тонкие серебряные часики на цепочке. Она всегда выбирала для жизни максимальный комфорт и минимальную суету.

Из мрачной картинки выделялся только Маркус Хилл. Он всегда выглядел так, будто только что покинул дымную репетиционную базу, чтобы выйти на съемочную площадку. Волосы — его главный стяг и наследие рок-н-ролла. Длинные волнистые, иссиня-черные, как смоль, с хаотичными крупными локонами, они спадают ниже плеч. Иногда он собирает их в небрежный, низкий хвост, из которого тут же выбиваются непокорные пряди. Острые, выразительные скулы, твердый подбородок, часто с легкой, тщательно подстриженной щетиной (несколько дней небритости, возведенных в эстетику). Темно-карие глаза и легкие, почти невидимые следы от очков, которые он носил в юности и давно сменил на контактные линзы. Помятый бархатный пиджак с вытертыми локтями, потертые брюки-чиносы, часто заправленные в высокие поношенные ковбойские сапоги. Несколько тонких серебряных колец на пальцах, цепочка на запястье, тонкий серебряный ободок-браслет и шейный платок, брошенный небрежно на шею. В какой-то момент Маркус Хилл стал пародией на самого себя.

Когда похоронная процессия закончилась, и гроб с телом Рассела опустился в землю, люди стали медленно расходиться, переговариваясь и перешептываясь. Только лишь Мэри Рассел и Томми не двигались с места, вглядываясь в черную землю. Люди, проходя мимо, вежливо гладили Мэри по плечу и спине.

- Рассел Рассел, - пробормотал Маркус, - я и не думал, что он помрет с таким нелепым именем.

- Прекрати! — Элис стукнула Маркуса локтем в живот. — Хватит вести себя, как сопливый выпускник школы.

- Ай! Так и знал: не стоило возвращаться в Обскур. Эй, Энтони, ты как?

- Порядок, - кивнул Энтони.

Элис обняла его и заботливо погладила по спине.

- Я скучала, Энтони.

- Я... я тоже по тебе соскучился, Элис.

Она хотела его поцеловать в щеку, но в последний момент остановилась. Будто бы похороны школьного друга не самое подходящее время для выяснения отношений. Элис порозвела и неловко попятилась от Энтони.

- Я бы хотел поговорить с Мэри, - высказал желание Энтони, - кажется, ей сейчас нужна любая поддержка.

Энтони, Маркус, Элис и Анна взглянули на вдову. Ее пальцы так крепко вцепились в Томми, что мальчик даже не мог двинуться с места, если бы и захотел.

- Ты прав, давай поговорим с ней, - согласилась Элис.

Четверка подошла к Мэри, тихо всхлипывающей и оставшейся в одиночестве вместе с сыном.

- Мэри, - Элис осторожно положила ладонь ей на плечо, - ты как?

Мэри Рассел не сразу вернулась к реальности. Она еще несколько мгновений созерцала могилу, а потом словно ожила. Она повернула голову к друзьям и убрала вуаль, открывая заплаканное красное лицо.

- Вы приехали? – она искренне удивилась.

- Мы не могли иначе, - ответил Маркус, - он был нашим другом.

Они по очереди подошли и обняли Мэри, принося ей свои соболезнования.

- Спасибо. Спасибо вам, что приехали.

Мэри обняла Анну и удивленно посмотрела на нее:

- И ты, Анна, вернулась?

- На каникулы к Энтони до конца лета, - ответила она.

- Очень хорошо. Жаль, что твои каникулы начались с похорон...

Повисла неловкая пауза, и Энтони поспешил разрядить обстановку, сменив ракурс темы:

- Его ведь поймали, да, Мэри?

Взгляд Мэри переменился. Он стал суровым и почти яростным, словно убийца ее мужа стоял где-то рядом.

- Шериф Итан Блэк быстро среагировал на вызов. Спасибо ему большое. Ему не удалось уехать далеко. Когда я пришла в себя, то сразу позвонила Блэку, и тот лично выехал на поиски. Его нашли уже до рассвета. В его пикапе обнаружили и другие тела. Он убил свою мать и младшего брата. А тела завернул в брезент и возил с собой. Не знаю, зачем они ему понадобились. Впрочем, это все не важно.

- Ты так избегаешь называть его имя? Стэнли Уилсон...

- Не произноси его имени! – Мэри сорвалась на крик. – Стэнли Уилсон – проклятие моей семьи!

Мэри зажала Томми уши и продолжила более яростно:

- Он уничтожил мою семью! Он разрушил все, что я строила годами! Всю мою жизнь! Я не желаю слышать его имя! Пусть эта тварь сдохнет в тюрьме! Пусть его там изнасилуют! Пусть он заболеет СПИДом или сифилисом и сгниет! Пусть его тело съедят червяки! Пусть он превратится в мерзкого жалкого вонючего слизня! Да, в слизня! И сдохнет самой мучительной смертью!

Гневную тираду Мэри Рассел произнесла на одном дыхании. Когда она успокоилась, то убрала ладони с ушей сына и часто задышала, переводя дыхание.

Энтони, Анна, Маркус и Элис в удивлении смотрели на Мэри, приподняв брови. Они и подумать не могли, что в этой тихой миролюбивой домохозяйке может царить такая буря. Впрочем, ее слова были вполне оправданы жестокостью ситуации.

- Но что произошло? – спросила Элис. – Шерифу удалось его разговорить? Почему он пришел к вам? Почему убил свою семью? Почему напал на...

- Он просто псих, Элис! – рявкнула Мэри Рассел. – Трус и псих!

- Он что-то украл? – поинтересовался Маркус.

- Нет, ничего, я все проверила. Он даже деньги не взял.

В голове Энтони с каждой секундой копилось все больше вопросов. Мотив убийства так и не был раскрыт.

- Все случилось в Мастерской? – спросил Энтони.

- Да.

- Можно нам... самим взглянуть на нее?

И Мэри набрала в легкие побольше воздуха.

* * *

- Я специально ничего не трогала. Оставила все, как было в ту ночь. И вообще не заходила сюда после...

Мэри не решалась зайти глубже дверного проема. Энтони, Анна, Элис и Маркус же были настроены решительно найти ответы – почему Стэнли Уилсон убил их друга? Они принялись тщательно осматривать Мастерскую Рассела.

- Шериф здесь был? – спросил Энтони.

- Итан все осмотрел, и ничего не нашел. Сомневаюсь, что здесь будет хоть одна зацепка... это просто картины... как они могут быть связаны с...

Но она так устала, что уже не могла продолжать. Мэри стояла, прижавшись спиной к косяку двери, и просто смотрела, как друзья ее мужа осматривают Мастерскую.

- Как много картин! – изумилась Анна.

Мастерская — не комната, а живой организм, поглощающий пространство. И главные ее внутренности — это слоистое, многослойное захламление. Одни холсты висят в рамах, другие — просто натянуты на подрамники, третьи — куски картона, фанера. Кисти, словно уставшие солдаты, застыли в стеклянных банках с мутным растворителем. Везде валяются обрывки наждачной бумаги, тряпки, пропитанные маслом и скипидаром, пустые банки из-под кофе, заполненные разномастными карандашами и мастихинами. На краю стола громоздится «башня» из папок с бумагами, старыми эскизами. Мольберт стоит, словно капитан на тонущем корабле, окруженный со всех сторон.

- Да, и все они, как одна, похожи друг на друга, - подметил Маркус, - маяки, деревня, лестница... и ничего другого... почему?

Все озадаченно взглянули на Мэри, ожидая от нее хоть каких-то подсказок.

- Не знаю, - она пожала плечами, - мы как-то проезжали мимо Разлитого Узла, и ему там понравилось. Он часто писал одно и то же каждый раз, когда пытался нащупать... точность...

- Точность? – переспросила Элис. – Хочешь сказать, что все эти картины – пробники? Черновики? Он пытался создать идеальный образ?

- Возможно. Он говорил, что ему это удалось. Вон с той картиной, где лестница. Да-да, это она. После нее он закончил рисовать лестницы и продолжил работу над маяками и деревней. Что бы это ни значило...

Друзья принялись рассматривать картину винтовой лестницы, уходящей во мрак. Энтони приглядывался к картине, словно пытался разглядеть в ней секретное зашифрованное послание от Рассела, но все без толку. Может, Мэри права, и работа Рассела никак не связана с мотивом убийства? Может, Стэнли Уилсон был просто больным ребенком? Психом?

- Ты не замечала в поведении Рассела ничего странного в последние дни? – поинтересовалась у Мэри Элис.

- Не знаю. А что тут может быть странного? Он...

- Как давно вы проезжали мимо Разлитого Узла? – прямо спросил Энтони.

- Незадолго до звездного дождя.

Все замерли и переглянулись друг с другом. Энтони казалось, что ответы где-то близко.

- Звездный дождь? – ахнула Анна. – И я такое пропустила?

- Сотни метеоритов пролетели в небе... это было очень красиво! – добавила Мэри. – И он начал рисовать маяки, лестницы и Разлитый Узел. А еще постоянно припоминал мне, чтобы его тело не вскрывали после смерти.

- Что?! – произнесли хором Энтони, Маркус и Элис.

Мэри замерла от пристального взгляда троих товарищей покойного мужа.

- Он просил не вскрывать его тело? – переспросил Энтони.

- Да, он что-то постоянно про это говорил. Он сказал: «ни под каким предлогом, что бы ни случилось». Итан Блэк вообще хотел сначала отправить его к тебе на вскрытие, Энтони. Но я заняла четкую позицию протеста. Платить мне не пришлось, но долго уговаривать – да. Я объяснила, что это было последнее желание моего мужа. И зачем его резать? Что бы вы там пытались найти?

Если утром Энтони было не по себе от мысли, что ему пришлось бы вскрывать труп друга, то теперь его одолевало нездоровое любопытство. С чего бы Расселу так говорить? Почему он был так против вскрытия своего тела? И все это случилось накануне убийства...

Что-то не сходилось, и Энтони мучила вечно ускользающая деталь. Он ясно понимал: чего-то не хватает. Убийство Рассела все меньше казалось ему простой трагедией. Быть может, Стэнли Уилсон не такой уж и сумасшедший?

- А над какой картиной он работал в последнее время? – спросил Маркус, осматривая полотно одно за другим.

- Вон там, на стене висит! Еще один Разлитый Узел.

Маркус принялся осматривать последнюю рабочую картину Рассела. Очередной пейзаж ночной деревни, вид сверху, ночь, белая луна, море, маяк. Вокруг пылился ворох подобных картин. Но ведь Рассел стремился к непогрешимому идеалу...

А потом Маркус потянул руки вверх и снял картину с гвоздя.

- Посмотрим, что ты тут...

И Маркус застыл.

Энтони, Элис и Анна перевели взгляд в его сторону и тоже остолбенели от увиденного.

- Вот же... срань Господня... - ахнул Маркус.

На стене, на том самом месте, где еще секундой раньше висела картина, красовалась кровавая надпись, написанная пальцами: «ОНО ВНУТРИ МЕНЯ».

Мэри от ужаса прикрыла рот руками.

- Ты знала об этом?! – Энтони громко спросил у нее.

Она лишь покачала головой, а по ее щекам уже заструились слезы.

- Это точно кровь? Не краска? – Элис хотелось верить в лучшее.

Энтони, как главный эксперт по патологической анатомии, оценил «краску» на стене, проведя по ней кончиком пальца, и озвучил вердикт:

- Кровь.

Мэри сдавленно всхлипнула. Она и подумать не могла, что у мужа от нее могут быть такие страшные тайны.

- Я... ничего... не знала...

Энтони, Анна, Маркус и Элис вихрем пронеслись по всей Мастерской скидывая картины со стен. Раздался грохот, вся пыль поднялась в воздух. И со всех сторон освобождались кровавые надписи.

ОНО ВНУТРИ МЕНЯ... ВНУТРИ... ВНУТРИ МЕНЯ... ВНУТРИ... ОНО ВНУТРИ...
ВНУТРИ МЕНЯ... ОНО ВНУТРИ МЕНЯ... ОНО ВНУТРИ... ВНУТРИ МЕНЯ... ВНУТРИ...

Все стены Мастерской усыпаны кровавыми словами, оставленными художником и спрятанными под полотна от любопытных глаз.

- Плохо же шериф провел здесь осмотр... - призадумалась Анна.

И у Энтони, глядя на все это, остался к Мэри последний вопрос:

- Мэри, ты разрешишь нам провести эксгумацию Рассела и вскрыть его труп?

Глава 3. Зло дня сего воскреснет

- До сих пор не могу поверить в то, что это правда, - Элис откинулась на спинку раскладного кресла и прижала банку с пивом к груди, - Рассела... больше нет...

- А у меня в голове не укладывается вся та чертовщина, которую мы нашли у него в Мастерской, - высказался Маркус, - Энтони, ты вообще осознаешь то, что завтра будет происходить?

- Нам придется провести вскрытие эксгумированного Рассела, которого мы только сегодня похоронили? Ты об этом? - Энтони выгнул бровь.

Поздним вечером Обскур накрыли темнота и тишина. Друзья собрались на крыльце дома Энтони. Вокруг ночных светильников летала мошкара, тихо жужжа. Они расставили пластиковые стулья и раскладные кресла вокруг маленького столика и уселись.

- И что ты надеешься там найти, Тони? - спросил у него Маркус. - Думаешь, стоит воспринимать его послание так буквально? «Оно внутри меня»! Что это может значить? Думаешь, Рассел, действительно, что-то спрятал внутри себя? Как? Проглотил?

- Я не знаю, Маркус. Не знаю, как и вы все. У меня нет ответов. Но это вскрытие - единственное, что мы можем сейчас сделать, чтобы приблизиться к разгадке.

- А если там ничего нет, Энтони? Что если... Рассел... просто спятил? Шарик за ролики поехали! У творческих людей такое обычно бывает! Что тогда будем делать?

- Я не знаю, Маркус! Но вся эта хрень меня пугает до чертиков... - сознался Энтони.

Они накрыли столик тарелками с разными простыми закусками: сырная и колбасная тарелки, нарезка овощей (огурцы, помидоры, соленые корнишоны и патиссоны, редис и сладкий красный и желтый перец), тарелка с красной рыбкой, нарезанной тонкими ломтиками, а также миска соленым арахисом и гренками с чесноком.

- Кто точно сумасшедший, так это... этот самый... как его? - замялась Элис.

- Стэнли Уилсон? - догадался Маркус.

- Да! Что он из себя представляет?

Элис протянула Маркусу банку пива и попросила его ее открыть. Маркус молча выполнил просьбу и вернул Элис бутылку.

- Энтони, ты его знал? - спросила Элис.

- Почти нет. Просто парень со школы. Он уехал два года назад. Я никогда прежде с ним не сталкивался и никаких странностей в его поведении не замечал, - ответил Энтони.

Элис сделала маленький глоток пива.

- В тихом омуте... - пробормотал Маркус.

Энтони тем временем принес из дома бутылку виски и две рюмки.

- Элис, ты будешь? - спросил он у нее.

- Только пиво, спасибо, Тони.

- Анна?

Все это время Анна Фэйр сидела молча и слушала разговор трех друзей. Ее взгляд пронизывал пространство насквозь и смотрел будто в пустоту. После вопроса брата она словно ожила.

- Будешь? - Энтони указал ей на виски.

- О, нет, не хочу крепкое. Я буду пиво вместе с Элис.

Пожав плечами, Энтони открыл для сестры банку пива и протянул ей. Потом он наполнил рюмки виски для себя и Маркуса.

- Я не понимаю только одного: зачем, - сказала Элис, - зачем этому Стэнли Уилсону понадобилось убивать нашего Рассела?

Она посмотрела на остальных в надежде отыскать ответ, но тщетно.

- Какой у него может быть мотив?

- У психов не бывает мотивов, - отрезал Маркус, - они просто идут и убивают. Этот парень спятил. Он убил своих мать и брата. Убить чужого человека для него – раз плюнуть.

- Но то, что мы нашли в Мастерской Рассела... разве это не доказывает, что он что-то знал? У него были секреты. И Мэри была не в курсе всех дел... Он что-то скрывал.

- Каждый из нас хранит тайны, - размышлял Энтони вслух, - но за молчание нас никто не убивает.

Элис тяжело вздохнула.

- Ты прав. Просто мне хочется... как-то все объяснить самой себе. Когда все понятно – становится лучше. Чисто... психологически, понимаете? Я люблю все упорядочивать.

- Пытаться что-то понять в Обскуре - все равно что ловить ветер руками...

Каждый из четырех вооружился напитком и был готов помянуть Рассела добрым словом.

- Бедная Мэри... - задумалась Элис, - у нее же ведь остался сын, да? Вот же черт... Наш Рассел был крутым парнем, ребята. Я сейчас вспоминаю, каким он был в школе... Очень... очень крутым парнем. Мне кажется, что девочки его недооценивали, а Мэри – молодец – разглядела в нем все самое лучшее. И не прогадала с выбором. Классный, добрый, заботливый, творческий, талантливый...

- Он был славным парнем, - кивнул Маркус, - это ты верно подметила. Добрый. Я мало встречал таких, как он. Обычно люди не без гнильцы. Сволочи они все! Да! Лицемеры, лжецы, льстецы... Но Рассел не был таким. Он был именно добрым человеком в самом широком смысле этого слова. Таких еще поискать надо!

Энтони поднял рюмку и сказал тост:

- За Рассела! За самого доброго человека!

- За Рассела! – ответили остальные хором.

И они выпили, не чокаясь.

Они неожиданно замолчали. А Энтони украдкой поглядывал на Элис. Он всячески пытался отделаться от мыслей о предстоящем вскрытии Рассела. Где-то глубоко внутри зияла мысль: «Это ошибка. Это просто глупо!». Но решение уже принято: завтра тело Рассела достанут из-под земли и доставят на стол патологоанатомического отделения морга.

А потом раздался сдержанный всхлип Маркуса. Все взглянули на него: по лицу режиссера текла горячая слеза.

- Маркус... - ахнула Элис, - я же сама сейчас заплачу!

- Вот черт! – выругался Маркус. – Кажется, я только сейчас полностью осознал, что Рассела убили. Проклятье! Мозг не успевал свыкнуться с реальностью весь день... и, кажется, до него только сейчас дошло! Сука... какая же этот Стэнли Уилсон сволочь! Каков же ублюдок! Черт! Пришел в дом и застрелил такого хорошего человека ни за что! В голове не укладывается!

- Казалось, мы только недавно заканчивали школу, да?

Энтони сделал маленький глоток и сказал Маркусу:

- Ты был самым лучшим Паком.

- Хах, - усмехнулся Маркус в ответ, - спасибо, дружище. Славные были деньки...

Элис задумалась:

- Скольких одноклассников мы уже потеряли?

Энтони принялся загибать пальцем:

- Сара Кросс повесилась через год после выпуска. Рассела застрелили. Барни Коуэла посадили за педофилию...

- Вот мудака! – выпалил Маркус.

- А еще... Грейстуон-Крофт...

- Только не напоминай! – Элис всю затрясло. – Не хочу даже слышать о нем!

Но Маркус уже начал перечислять имена:

- Мадлен Уэлш, Питер Келли, Ричард Брукс, Рейчел Грин, Джессика Сноу, Винсент Одли, Грейс Морган, Калейб Стинг, Шэрон Бэлл...

Элис завизжала прикрывая уши:

- Хватит! Перестань! Заткнись, Маркус, пожалуйста, заткнись! Я не хочу возвращаться туда даже в мыслях! Перестань!

- Вся театральная труппа старшего класса, - добавил Маркус, - и вот из всех... теперь остались только мы трое...

Элис закатила истерику. Она затопала ногами и закричала:

- Нет! Маркус! Зачем ты это все говоришь? Хватит!

- Маркус, заткнись! – гаркнул Энтони.

Маркус резко замолчал. Элис жадно выпила пиво. Она осушила всю банку, и струйка пены потекла по подбородку.

Она запрокинула голову и уставилась на мошек, летающих вокруг светильника.

Все молчали.

- Мне кажется, или они летают только надо мной? – задумалась Элис.

Анна же не смогла сдержать любопытство и шепотом спросила у Маркуса:

- А что случилось в Грейстоун-Крофте?

Элис не выдержала. Она смяла жестяную банку и вскочила с места.

- Я так больше не могу! Мне надо успокоиться! Пойду схожу за пивом.

Она ушла в дом, вытирая слезы с щек.

- Вот же черт... - выдохнул Маркус, - я не хотел!

- Маркус, ты – придурок! – выпалил Энтони, вставая с места. - Ведешь себя, как в школе, будто ничего не поменялось!

Энтони пошел следом за Элис, чтобы успокоить ее и проверить, как она себя чувствует. Анна и Маркус остались на крыльце наедине.

Энтони нашел Элис на кухне. Она уже взяла новую банку пива из холодильника и сейчас стояла у раковины, набирая из-под крана в стакан воду.

- Элис?

Он осторожно подошел к ней.

- Я только что видела стайку муравьев. Они быстро разбежались. Тебе нужно вызвать дезинсекторов, Тони. Надо почистить дом от букашек.

- Займусь этим позже. Со своей работой и бестолковой жизнью я совсем забываю о доме.

- Оно и видно. Тут не хватает женской руки.

Элис сделала несколько глотков воды.

- Открыть пиво?

- Спасибо, Тони.

Он оторыл банку пива и встал рядом с Элис, осторожно поглядывая на нее, будто стеснялся.

- Как книги? – поинтересовался он.

- Нормально. Две продались. Издательство просит третью. Мой агент ждет ее с нетерпением к концу осени. А я даже не уверена, что хочу ее писать.

- Почему?

- Ты же знаешь, что Конан Дойл убил Шерлока Холмса, потому что он ему надоел? А потом фанаты завалили его письмами с просьбами вернуть им любимого героя. Он это сделал. Он воскресил Шерлока после схватки с Мориарти у Рейхенбахского водопада. Я хочу убить свою героиню. И больше не воскрешать ее. Мне надоел этот цикл. Хочу... двигаться дальше... писать что-то другое... не могу долго работать в одном мире. Мне нужны творческие перемены, понимаешь?

- Уже есть идея для новой книги?

Взгляд Элис помрачнел.

- Что-то не то спросил?

- Нет-нет, ничего. Все нормально. Прости, что психанула. Это будет максимально странно выглядеть, если ты узнаешь ответ о книге.

- Почему? Прости, я не догоняю. Это как-то связано с...

- Грейстоун-Крофт, - кивнула Элис, - я давно хочу о нем написать. Думаю, что мне это поможет справиться со стрессом, который вызывают одни лишь воспоминания о нем. Но вернуться туда мыслями... Шагнуть во мрак... мне просто страшно, Энтони. Страшно от всей той хрени, которая творится в Обскуре. Поэтому я и уехала... слишком испугалась, хотя... я должна извиниться...

- За что?

Элис посмотрела прямо в глаза Энтони и взяла его за руки. Он вздрогнул от ее прикосновения: такими нежными и холодными были ее руки.

- За то, что оставила тебя здесь. Прости, Тони. Я так испугалась...

По щекам Элис заструились слезы. Она обняла Энтони и опустила подбородок ему на плечо.

- Прости меня... прости... мне же было так хорошо... но меня так пугал этот город, и я...

- Ничего, Элис, ничего, - говорил он ей, - ты думаешь... у нас еще получится... все вернуться?

Пауза. Она задумалась.

Энтони стало приятно от одной лишь мысли, что она задумалась. Но ответ снова заставил его грустить:

- Не знаю.

* * *

- Я не понимаю, - высказалась Анна.

Маркус тем временем наполнил рюмку виски и бросил в рот маринованный патиссон. Пока он жевал, то накладывал себе в тарелку сыра и колбасы, протыкая маленькие кусочки зубочисткой.

- Чего именно? – спросил он, пережевывая патиссон.

- Энтони так странно смотрит на Элис. Я не могу не замечать таких вещей. Что между ними происходит?

- А-а, это...

Анна сразу поняла, что Маркус все знает. Конечно, он же знает ее брата и Элис со школьной скамьи!

Покончив с дегустацией патиссона, Маркус принялся пробовать чесночные гренки.

- Видишь ли, Анна, твой брат и Элис вроде как... встречались... в выпускном классе.

- Правда? – Анна поймала себя на мысли, что Энтони никогда не рассказывал о своем романе с Элис.

Ей даже стало грустно от того, что брат от нее что-то скрывал. Хотя он и не был рассказывать ей всю подноготную своей личной жизни.

- А я и не знала... он никогда не говорил...

- Они вообще не любят об это вспоминать, - добавил Маркус и мигом осушил рюмку, а потом закусил кусочком ветчины, - их отношения завершились на трагической ноте, и во всем виноват...

Но Маркус так увлекся поглощением сыра, что забылся и не договорил.

- Грейстоун-Крофт? – Анна высказала догадку.

Маркус энергично закивал в ответ.

- Именно он. Чертов Особняк. Это проклятое Поместье, Анна.

- А что там случилось?

Маркус сделал глоток виски и дал ответ:

- Когда-то давно там жила семья: отец, мать, две дочери и сын. Говорили, что мать сошла с ума. Отец семейства не выпускал ее из особняка. Но чем именно она болела я не знаю. И в одну ночь в Поместье случился пожар. Родители сгорели. Младшая дочь погибла в огне, ее тело нашли и захоронили на кладбище в Обскуре. Старшая дочь исчезла. Ее тело так и не нашли. А сын выжил, но, кажется, уехал. Никто толком тоже не знает, что с ним случилось. Собственно, это все. Поместье не сгорело дотла. Пожарные подоспели и затушили огонь. Основная часть здания сохранилась. Но никто так не разрушил Особняк до основания. Рука не поднялась. Не знаю, с чем это связано. В итоге этот дом превратился в городскую легенду. Нечто вроде Особняка с привидениями. И говорили, что всякий, кто туда заходил, или исчезал, или заболел, или умирал, или с ним происходила какая-то чертовщина. В итоге, все стали сторониться Грейстоун-Крофта. Никто не решался в него зайти. А мы решились... нам было весело, интересно. Любопытство до добра не доводит, Анна, запомни это.

Маркус сделал еще несколько глотков виски, а потом откинулся на спинку кресла и пробормотал:

- Нам не стоило туда ходить... совсем не стоило...

- Но что там произошло, когда вы пошли туда? – Анну одолевало любопытство. – Почему Анна так распахивалась?

- А, не обращай внимания! У нее из-за этого домика психологическая травма. И видать, весьма сильная и крепкая, раз она не может от нее избавиться спустя двенадцать лет.

Но Маркус не давал ответы на главный вопрос Анны. Что же случилось в Грейстоун-Крофт?

- Мы пошли туда всей труппой. Я уже и не помню, чья это была идея, - продолжил развивать мысль Маркус, - мы поставили «Сон в летнюю ночь» перед выпуском. Во время репетиций у нас собралась компания – весь актерский состав.

- Я была тогда слишком маленькой. Он никогда не рассказывал мне про «Сон в летнюю ночь».

- Славные были деньки! Я вот был Паком, а Элис – Еленой. Помню, как она говорила во время репетиций: «Никогда мне не доводилось играть таких истеричек, но я справлюсь!». Рассел был Обероном. Самый лучший Оберон из всех, кого знаю!

- А кем был Энтони?

- Мотком. Ну... этот тот ремесленник, ткач, которого я превратил в ослика, а потом Титания в него влюбилась под воздействием чар.

- Ого! Энтони сыграл такого...

- Он был лучшим! Мы так никогда не смеялись! А когда он играл Приама в финале спектакля все каталась по полу со смеху! Мда... какие времена!

Маркус отпил виски, словно только что произнес тост.

- А что случилось потом? – осторожно спросила Анна.

- Мы отметили школьный выпускной и устроили вылазку в заброшенный особняк. Нам было интересно... и в общем, все прошло самым ужасным образом... я даже снял кассету... наверное, она осталась где-то здесь у Энтони.

- Кассету? – выпалила Анна.

- Ага... мой первый документальный хоррор! После того дня мы ее даже ни разу не посмотрели... я понятия не имею, что у меня там получилось заснять... испугался до усрачки, ей богу!

Анна пыталась справиться с участвующим дыханием. Кассета, на которой заснятохождение театрального кружка в Поместье Грейстоун-Крофт. На ней могут быть все ответы!

Маркус, почуяв не ладное, взглянул на Анну в виду повисшей тишины между ними.

- А что... хочешь посмотреть?

* * *

Энтони и Элис вернулись на крыльцо. Элис даже еле заметно улыбалась и пила пиво. Ей стало намного легче.

- Успокоилась? – с сарказмом бросил Маркус, уплетая арахис.

Элис одарила его злостным оскалом, давая ему понять, чтобы он не строил из себя идиота.

- Тони, у нас с Анной появилась одна маленькая идеяка...

Элис и Энтони уселись в кресла. Энтони принялся наполнять рюмку виски, бросив Маркусу ответ:

- Слушаю.

- Помнишь ту кассету из Грейстоун-Крофт?

Рука Энтони дрогнула, и часть виски пролилась на стол.

- Блядь! Маркус!

Элис схватила салфетку, принялась вытирать стол и шикнула на Маркуса:

- Ты серьезно?

- Цыц! – цокнул Маркус в ответ. – Итак, она все еще у тебя? Анна хотела бы ее посмотреть.

Энтони изумленно уставился на сестру.

- Там не на что смотреть, Анна...

- Но почему? – она уже не собиралась отступать. – Вы можете все отвернуться! Но почему мне нельзя смотреть? Вы сами ее даже никогда не видели!

- И не очень-то хотим, - парировал Энтони.

- Но если смерть Рассела такая странная, то, может, там будут какие-то подсказки? Если это связано с вашим общим прошлым? И чтобы найти ответы... надо заглянуть во тьму...

Вот только Энтони не имел ни малейшего желания заглядывать во тьму прошлого.

- Анна, порой демоны прошлого слишком страшны, - спокойно произнесла Элис.

- Но ради Рассела вы не хотите взглянуть им в лицо, спустя двенадцать лет?

На этой ноте Элис и Энтони мрачно переглянулись. Его посетила мысль: «А вдруг сестра права?».

- Двенадцать лет прошло... может, сейчас будет не так страшно? – предположил Маркус.

Энтони и сам начинал в это верить. Это просто кассета. Они даже не знают, что попало на запись.

- Что скажешь, Тони? – спросил Маркус прямо. – Мой первый фильм еще у тебя?

* * *

Он хранил эту кассету двенадцать лет в самом дальнем ящике. Сколько раз он хотел от нее избавиться? Каждый раз, когда наткнулся на нее случайным образом. Но так и не избавился. И не посмотрел. Кассета пылилась в ящике со старыми ненужными вещами на чердаке и ждала своего часа.

И вот он настал.

Маркус и Энтони вытащили на крыльцо старый телевизор и протянули провода к розеткам прихожей. Затем Энтони отыскал старый видеопроигрыватель. Несколько минут вместе с Маркусом они потратили, чтобы настроить подключение телевизора к проигрывателю. Столько лет прошло – они уже изрядно забыли, как пользоваться такими допотопными технологиями.

Все это время Анна и Элис пили пиво, закусывали и следили за работой двух парней. Элис несколько раз психовала, крича о том, что совсем не хочет смотреть эту запись. Ей было страшно. Но прошло время, и она все-таки успокоилась. Она нервно закурила. Дважды. На

третьей сигарете она согласилась посмотреть запись, но предупредила, что убежит в любой момент, если ей станет не по себе.

- А вот и кассета, - Энтони вынес ее на крыльцо, смахивая пыль с коробки, - даже не знаю сможем ли мы ее посмотреть. И вообще... записалось ли что-то?

- Я точно записывал! – высказался Маркус.

Вот только режиссер-оператор фильма сам не знал, что именно наснимал в тот съемочный день.

- Вы уверены, что стоит это делать? – обратился ко всем Энтони перед тем, как вставить кассету в проигрыватель.

Маркус и Анна уверенны кивнули. Обоими двигало любопытство.

Элис же пожала плечами:

- Я остаюсь при своем мнении. Мне кажется, что нам не стоит ворошить прошлое. Но я в меньшинстве. Так что к черту! Давайте посмотрим запись. Я убегу, если станет дурно.

Энтони завис перед экраном, по которому струилась серая рябь.

- Что-то не так, Тони? – спросил Маркус.

- Просто нервничаю. Мне нужно закурить.

- Ты прав. И мне тоже.

Маркус и Энтони закурили. Анна воздержалась. Сжимая сигарету между зубами, Энтони наконец вставил кассету в проигрыватель и нажал «Play». Потом он приготовил виски с кусочками льда для себя и Маркуса.

Все заняли свои места, словно в кинозале. Энтони, Элис и Маркус курили. Анна пила пиво. Элис нервно теребила сигарету в руке, стряхивая пепел в пепельницу. Крыльцо заполнил сигаретный дым. На экране бегала рябь, но из динамиков раздался неприятный скрежет. Потом на сером фоне появились черные полосы. Бац – экран померк. В уголке загорелся белый треугольничек.

- Работает, - Маркус искренне удивился.

- За твой первый фильм, - и Энтони сделал глоток виски.

Четверо друзей, развернувшись к экрану телевизора, с замиранием принялись смотреть запись событий, случившихся в Поместье Грейстоун-Крофт двенадцать лет назад.

* * *

Кассета начала свою работу с рывка и протяжного шипения. На экране телевизора, сквозь гуляющие по кадру магнитные полосы и снежную рябь, проступило изображение. Сперва — только шум и мерцание, как будто сама пленка сопротивлялась просмотру. Потом картинка встала на место, но не полностью: по краям так и осталась черная, шевелящаяся кайма, будто объектив видел больше, чем должен был.

Массивные дубовые двери, почерневшие от времени и влаги, со скрипом, похожим на стон умирающего зверя, отворились в абсолютную, густую, почти осязаемую тьму. Она казалась не просто отсутствием света, а жидкой субстанцией. Группа выпускников — неясные силуэты на фоне умирающего заката — друг за другом, с нервным смехом и подбадривающими шутками, шагнули внутрь и были мгновенно поглощены этой тьмой. Их фигуры растворились, звук шагов стал глухим, а затем и вовсе пропал, как будто их проглотило.

Затем, из разных точек кадра, вспыхнули лучи фонариков. Они не резали мрак, а лишь царапали его поверхность, выхватывая из небытия клубы взвешенной пыли, кружащей в такт их движению. Голос за кадром, принадлежавший Маркусу, державшему камеру, звучал нарочито бодро, но в его тембре проскальзывала металлическая дрожь, которую не мог скрыть даже дешевый микрофон:

- Мы заходим, мы заходим! Мы уже внутри! Мы посягнулись вторгнуться на территорию Поместья Грейстоун-Крофт! Мы внутри, внутри...

Во мраке среди бликов фонариков раздались голоса мальчиков и девочек:

- Эй, не толкайся!
- Да, тише вы!
- Не отходите друг от друга слишком далеко!
- Ой, мне уже страшно!
- Не стоило нам сюда идти...
- Да не ссыте вы! Здесь ничего нет!
- Страшно-то как!
- Да заткнись ты все! Здесь пусто. Только грязь и крысы.
- Фу, чем здесь пахнет!
- Боже... чем это здесь воняет? Как... гнилым мясом и старой плесенью.
- Жуть какая!

Камера, дергаясь, поплыла вперед, показывая просторный, как пещера, холл. Пол был усыпан битым стеклом, обломками штукатурки и чем-то темным, липким на вид. В дальнем конце зиял провал разрушенной парадной лестницы: несколько ступеней вели вверх, а затем обрывались в черную яму. Свет фонариков, словно испуганные души, метались по стенам, покрытым не просто граффити, а странными, нарисованными углем или чем-то бурым символами — переплетенными спиралями, глазами в треугольниках, нечитаемыми рунами. На секунду луч скользнул по огромному разбитому зеркалу в золоченой раме. В его осколках на мгновение мелькнуло не лицо того, кто светил, а что-то белое и быстро промелькнувшее позади.

— Сейчас... щас будет круче! Я включаю режим ночного видения! — прошептал, уже без прежней bravado, голос Маркуса.

Изображение вздрогнуло, окрасилось в ядовито-зеленый, спектральный цвет. Мир стал плоским и безжалостно подробным. Проявились лица ребят, мелькающие перед объективом. Их глаза отражали ИК-подсветку, превращаясь в светящиеся, недобрые точки, как у ночных хищников. Камера медленно провела по залу: обгоревшие тумбы, изломанные словно спички, кованая люстра, лежащая на полу грудой ржавого металла, дыры в потолке, за которыми — еще более глубокая тьма.

Голоса говорили:

- Я что-то услышала!
- Это какой-то писк.
- Мыши! Здесь мыши!
- Ай, ненавижу мышей! Они противные!
- Надеюсь, мы их не увидим.
- В этом месте есть что-то пострашнее мышей.
- Да хватит бояться! Пошли дальше!
- Куда теперь?
- Давайте проверим тот коридор. Та лестница слишком опасная.

Кадр сменился. Помехи, полосы.

Теперь камера показывала тонкий туннель, по которому дети шли цепочкой друг за другом. Голос Маркуса говорил:

- Сейчас мы пробираемся в самую глубь Грейстоун-Крофта, никто не знает, какие жуткие тайны ждут нас впереди. Давайте помолимся Богу о спасении наших душ?

Другой голос ответил ему:

- Эй, Маркус! Перестань пороть чушь!
- Мы не станем молиться.
- Ты сам написал этот бред или импровизируешь?

И голос Маркуса ответил:

- Я готовился к съемкам!

- Ну, да, конечно!

- Да перестаньте вы, ребята!

Раздался грохот. Это был низкий, сокрушительный удар, от которого дрогнули стены и с потолка посыпалась штукатурная пыль, медленно оседая в луче фонарика, как пепел. Камера дернулась, тряслась несколько секунд, а потом замерла, уставившись в спину впередиидущей девочки. В коридоре воцарилась мертвая, давящая тишина. Было слышно только прерывистое дыхание. Они переглядывались, и в их глазах, пойманных зеленым кадром, читался чистый, животный ужас.

- Что это было?

Пауза.

- Не знаю.

- Наверное, что-то где-то упало.

- Пойдемте отсюда!

- Ну уж нет!

Кадр сменился. Помехи стали гуще.

Другой коридор, бесконечный. По обе стороны, через равные, неестественно точные промежутки, зияли одинаковые темные дверные проемы без дверей. Конец коридора терялся в зеленоватой мути, казалось, он уходит в самую землю.

Впереди камеры шли девочка и мальчик. Потом девочка остановилась и замерла, уставившись в правый проход. Все остановились.

- Мадлен... - позвал ее мальчик стоявший рядом.

Но она не реагировала.

Она смотрела на что-то в другой комнате, но совсем не шевелилась.

- Мадлен, что ты там увидела?

- Мадлен!

Но девочка не реагировала.

- Мадлен, с тобой все в порядке?

Мальчик тронул ее за плечо, и Мадлен взвыла. Не закричала — именно взвыла, коротко и пронзительно, и подпрыгнула на месте, оборачиваясь с таким выражением ужаса, будто за ней уже схватились.

- Ты меня напугал!

- Я? Это ты нас напугала! Что ты там увидела?

- Ничего?

Она обернулась к проему, потом к нему. Ее глаза были круглыми.

- Ничего. Просто... показалось.

Мальчик, фыркнув, шагнул к проему и резко посветил внутрь фонариком.

- Пусто. Пыль и хлам. Идем, хватит валять дурака.

Кадр сменился. Помехи, и в них на долю секунды — искаженное, растянутое лицо.

Это был все тот же коридор. Дети продолжали свое шествие вглубь коридора, но походка стала семенящей, скованной.

- Мы продвигаемся дальше, и уже многим из нас стало не по себе, - говорил голос Маркуса, - нам хочется убежать, уйти прочь из этого места. Но мы забрались уже слишком далеко.

- Маркус! — рывкнул на мальчишеский голос. — Перестань нагнетать!

- Я же тут реалисти-хоррор снимаю! Документальный ужас!

- Перестань всех запугивать, ладно?

- Я создаю атмосферу! Настоящий, непостановочный ужас!

- Атмосферу? Ты всех до истерики доведешь!

Пауза. В этой паузе стало слышно какое-то шуршание. Не мышинное. Медленное, волочащееся, будто по полу тащили тяжелый мешок. Шуршание оборвалось.

А потом раздался девчачий визг.

Не испуганный, а пронзительный, обрывающийся, полный такой боли и ужаса, что кровь стыла в жилах. Камера дернулась, закружилась, выхватывая испуганные, перекошенные лица. На мгновение воцарилась гробовая тишина. Все смотрели друг на друга, не понимая. А потом голоса, нарастая:

- Где Рейчел?
- Вы видели Рейчел?
- Она была тут! Я ее видела!
- Рейчел! Где ты? Рейчел!
- Вот же черт... куда она могла подеваться?

И снова грохот. На этот раз ближе. Глухой, сдавленный, будто что-то большое и мягкое упало с высоты. И сразу за ним — крики, уже панические.

- Бежим! Все, бежим отсюда!
- Черт, черт, черт!
- Бежим!
- Бежим отсюда! Скорее!

Камера запрыгала, изображение превратилось в месиво из зеленых размазанных стен и мелькающих тел. Слышался топот, сбивчивое, хриплое дыхание Маркуса, чьи-то всхлипы.

Кадр сменился. Картинка дергается, по краям — черные, шевелящиеся языки.

Снова коридор. Изображение мерцает, как свет умирающей лампы. Камера выхватывает лица, одно за другим: залитые слезами, искаженные гримасой паники, пустые от осознания.

- Я потеряла Шэрон!
- Где она?
- Рейчел! Шэрон!
- Божечки... как отсюда выбраться?
- Где мы?
- Кто-нибудь помнит дорогу назад?
- Что тут происходит?
- Я так больше не могу! Я не могу больше! Мне страшно!

Визг. И снова крики. Оглушительный грохот.

На этот раз короткий, отрезанный. Оглушительный грохот прямо за кадром. Камера бешено трясется: Маркус бежит, спотыкаясь. Мелькают спины, чьи-то ноги. И вдруг — она останавливается. Фокус настраивается с болезненной медленностью.

Впереди, в конце зеленого туннеля видимости, стоит спиной девочка с высоким хвостиком. Рейчел. Она неподвижна. Совершенно. Даже прядь волос не колыхнется в застоявшемся воздухе.

Тишина. Такая густая, что в ушах начинает звенеть.

- Рейчел?
- Рейчел это ты?
- К ее плечу потянулась рука Маркуса.
- Рейчел...

И когда кончики пальцев Маркуса коснулись плеча Рейчел... она упала лицом вниз. Звук падения — тупой, тяжелый, с отвратительным хрустом ломающихся мелких костей. Она не шевелится. Из-под ее головы, медленно, неспешно, начинает растекаться темное, черное в зеленом свете пятно. Оно ползет по трещинам на полу, будто живое.

- Рейчел!
- Блядь!
- Что тут творится?
- Что с ней?

- Какого черта?!
- Только не это! Нет!
- Подними ее!

Маркус дрожащей рукой перевернул мертвое тело на бок...

И у Рейчел нет лица. Там, где должны быть глаза, нос, губы — только мокрое, кровавое, иссеченное месиво, обнажающее белое и красное под ним. Кожа снята. Аккуратно. Полностью.

Раздаются нечеловеческие вопли, кто-то начинает беззвучно рвать рот в крике, кто-то ревет. Изображение дергается, по нему ползут волны помех. Камера снова в руках Маркуса. Он бежит. Назад? Вперед? Уже не важно.

И кадр сменился. Хаос.

Кадр смазан, прыгает, показывает отрывки: пустой коридор, чье-то кричащее лицо крупным планом, темный дверной проем. Впереди камеры пробегает высокий блондин, Калев. Он делает несколько шагов, обгоняя группу. Картинка смазывалась. Она показывала то пустые коридоры, то напуганных кричащих детей. Он пошел быстрым шагом вперед по коридору, а потом дверь с правой стороны резко открылась. Мгновение — из прохода вылезла обнаженная рука. Кожа на ней в струпьях и синяках, ногти длинные, загнутые, как когти. Она хватается Калеба за плечо, пальцы впиваются в плоть. Рывок — нечеловечески сильный — и его, даже не успевшего вскрикнуть, затягивает во тьму. Дверь захлопывается с тихим, но финальным щелчком.

- Какого хрена?

Другой парень подбежал к двери и попытался ее открыть. Он колотил в нее кулаками, бил ногой, но все тщетно — дверь не поддавалась. Вместе с другим приятелем он начал толкать дверь плечом: она не поддавалась. Двое кричали:

- Калев!
- Они схватили Калеба!
- Откройте двери! Калев! Ты там?
- Калев, ответь нам!

Но Калев не отвечал.

На мгновение все замерло, а потом раздался жуткий грохот. Послышались девчачьи визги. Камера затряслась. Изображение мелькало, по экрану поползла рябь. Маркус снова бежал. Картинка смешивалась. Началась паника.

Камера мечется. Вспышки свечей вдали. Тени, которые слишком длинны и движутся не так, как должны.

И вот в кадре, в конце коридора, возникает высокая фигура. Она держит перед собой свечу, пламя которой не колышется, хотя сквозняк есть. Фигура в черном, ниспадающем до пола балахоне, капюшон натянут.

- Кто это?
- Что еще за черт?

Раздался гул. И стук барабанов.

И хор голосов толпы людей...

Паника. Абсолютная. Камера трясется так, что тошнит. Мелькают: лица в истерике, голые ноги, мелькающие из-под балахонов, свечи, которых теперь много, целая стена. Крики перекрываются хором.

- Бежим!

Изображение затряслось. Мелькали лица. Коридоры. Пламя свечей. Голые люди, чьи тела покрывали татуировки. Люди в черных балахонах со свечами. Крики детей.

И голоса:

- Во имя смерти...
- Блаженствуй во грехе...

- Да святится имя Твое...

Громкие крики. Жуткий грохот. Камера тряслась. И на изображении появились брызги крови.

Голые незнакомцы закалывали детей ритуальными кинжалами.

Раздались визги.

- Нет!

- Помогите!

- Кто-нибудь!

- На помощь!

- Бегите!

- Спасайтесь!

- Нет!

Окровавленные тела падали.

И люди со свечами поджигали трупы.

- И не введи нас во искушение...

- Помогите! Умоляю!

- Нет! Не убивайте нас!

- Нет! Пожалуйста, мамочка не надо!

Визг и брызг крови.

Камера тряслась. Маркус убегал прочь от места катастрофы.

- Избави нас от лукавого...

Изображение несло по темному коридору, а с двух сторон выходили голые незнакомцы друг за другом. Их тела покрыты кровью. Худые истощенные тела жались к центру коридора, а изображение тряслось, но протискивалось между ними.

Крики и вопли детей стали тише, оставаясь далеко от камеры. А голоса незнакомцев становились громче и отчетливее:

- Зло дня сего воскреснет вновь!

- Зло дня... воскреснет...

- Зло... воскреснет...

- Зло дня сего воскреснет...

- Воскреснет... воскреснет...

А потом из темноты выбежало существо. Оно перемещалось на руках и на ногах, ползая, как таракан, животом кверху. Спина волочится по полу, а руки и ноги выгнуты неестественным, членистоногим образом. Это девочка. В лохмотьях белого платья.

- Шэрон... — кто-то хрипит за кадром. — Боже, это Шэрон...

Кто-то закричал:

- Шэрон!

А потом «Шэрон» заползла по стене на потолок. Ее голова поворачивается на 180 градусов, и пустые глазницы, в глубине которых мерцают две крошечные белые точки, смотрят прямо в объектив. Лицо не просто обожжено. Оно течет, как расплавленный воск, кожа сползает клочьями, обнажая мокрую красноту. Рот разрывается в немой гримасе, челюсть отвисает невероятно широко, и из черной пасти вытекает струя густой, черной жидкости.

Оно отталкивается от потолка и летит прямо на камеру.

Черный кадр. Помехи.

Камера лежала на полу неподвижно.

Изображение показывало проход в просторную темную комнату. Голый пожилой мужчина, чье тело покрывали татуировки с непонятными символами, тащил по полу тело девочки с перерезанным горлом. Он держал ее за руки и волок по полу.

Его губы двигались, и звучал голос:

- Зло дня сего воскреснет... оно придет... оно уже близко... близко...

Он затащил тело девочки в комнату, а голая женщина выглянула из прохода и осмотрелась. Она не смотрит на коридор. Она смотрит вверх, на потолок, с каким-то благоговейным ужасом. Потом ее взгляд скользит в сторону камеры. Не на камеру. Через камеру. Как будто она видит что-то позади нее.

Легкая, почти незрячая улыбка тронула ее губы. И она захлопывает дверь.

А потом из темноты коридора выполз молодой Маркус. На его лице стоял ужас.

Он, рыдая, подползает к камере, его пальцы входят в кадр, хватают ее.

И в этот момент, из той самой темноты, откуда он выполз, раздается душераздирающий, последний, полный такой безысходной агонии девчачий визг, что даже через дешевый динамик телевизора по коже бегут мурашки. Визг обрывается.

Изображение гаснет. Не резко. Оно тускнеет, сужается в точку и тонет в магнитном шуме.

* * *

- Верни-ка назад, Маркус...

- Ты издеваешься?! – выпалил Маркус, уставившись на Энтони. – Я чуть в штаны сейчас не наложил, а ты просишь повторить просмотр?

- Да нет же! Отмотай назад немного. Момент между тем, как тот засранец утаскивает тело Джессики в комнату, и тем, как ты подползаешь к камере.

Элис сидела с закрытыми глазами, поджав колени к груди. Она не могла долго смотреть запись и зажмурилась на моменте, когда на видео появились культисты.

Анна смотрела в экран с приоткрытым ртом. Она не могла пошевелиться какое-то время. Перед глазами все еще всплывали жуткие картинки.

Неужели, это произошло с ее братом? Он прежде никогда не говорил о том, что случилось в Поместье. Подумать только: всех их друзей убили. И вот они: Энтони, Элис и Маркус – те, кто выжили в тот день. Еще был Рассел. Но теперь он тоже мертв.

Маркус отмотал запись назад.

- Не понимаю, Энтони, что ты пытаешься там увидеть?

- Сейчас поймешь. Смотри внимательно.

Изображение на экране показало сцену: женщина запирает дверь в комнату. Маркус где-то вдалеке ползет из мрака коридора навстречу камере.

- Видишь?!

- Чего? – не понимал Маркус.

- Поставь на паузу! Смотри!

На этой ноте Элис открыла глаза, чувствуя, что ничего страшного больше не будет.

Изображение на экране застыло: Маркус ползет к камере по полу. И Энтони стучит пальцем по экрану – в точку в темном коридоре.

И Маркус в ужасе открывает рот.

- Срань Господня...

Анна присматривается внимательнее и тоже видит! По ее спине скользит волна холода.

- Я же сказал! – воскликнул Маркус. – Она там! Она там есть!

Элис в ужасе ахнула:

- Святая Богородица... какого черта?!

Все четверо уставились на экран в полном замешательстве.

В глубине зеленоватого мрака, прямо там, куда смотрела та женщина, стояла маленькая девочка в белом, обгоревшем платице. Она смотрела прямо в камеру. Не на убегающих. Не на Маркуса. На тех, кто будет смотреть эту запись. Сейчас. Ее обугленное лицо было неподвижно. Только глаза — две черные, бездонные дыры.

Глава 4. Головы взорвутся

Он вышел из леса в ночи при свете полной луны и оказался на песчаном пляже озера Мосс-Лейк. На другой стороне пляжа в густой заросли деревьев и кустов находились пещеры. Туда-то он и шел.

Озеро лежит неподвижно, как отполированный черный обсидиан, в чью глухую гладь вдавлен сияющий лунный путь – прямой, ослепительно-серебряный, ведущий от самого берега. Этот путь не колыхнется, он застыл, окаменел в ожидании. Лишь если вглядеться, можно заметить у краев слабую, едва уловимую рябь, дышащую в такт спящему миру.

Берег – узкая полоска бледного, почти лунного песка. Песок, днем раскаленный и золотой, сейчас холодный и фосфоресцирующий под косыми лучами. Каждая песчинка отбрасывает микроскопическую тень, и весь пляж мерцает тихим, матовым светом, будто присыпан инеем. К воде он спускается пологим шепотом.

А на песке горел огонь. Вокруг огня – молодые люди. Приметив компанию, отдыхающую в ночи у костра и распивающую пиво и виски, он направился к ним. В стороне, ближе к дороге, стоял синий пикап друзей.

Ночь была летняя, теплая. Ему бы и самому сейчас хотелось окунуться в черные воды Мосс-Лейка, но у его есть незаконченное дело. Отдыхать пока рано. Еще наступит его черед радоваться победе.

У огня сидели две молодые влюбленные пары. Первая: он, накаченный брюнет с длинными кудрями, жадно глотал виски из горла бутылки, а она, блондинка, сидела на коленях сзади и делала ему массаж спины. Оба были в одних шортах. И обнаженные груди девушки скользили по коже парня, когда она прижималась к нему слишком близко. Вторая: рыжий парень в плавках сидел по-турецки, а она, шатенка с каре, в бикини лежала, опустив голову ему на бедро. Они курили косяк, передавая друг другу по очереди. Вокруг разбросаны банки из-под пива, пачки чипсов, сухариков, окурки сигарет и бутылки виски. Вокруг костра растелены полотенца. Тут было место еще для одной пары, которая сейчас плескалась в темных водах озера Мосс-Лейк.

- Простите, не хотел вам мешать, - он подошел к ним почти вплотную, - можно присоединиться к вам?

На него взглянул кудрявый брюнет, словно оценивая, достоин он их общества или нет.

- Ты из Обскура?

- Да, решил прогуляться. Я долго вас не побеспокою. Просто захотелось немного отдохнуть.

Парень бросил на песок полотенце и указал рукой:

- Расстилай, присаживайся. Пиво будешь?

- Не откажусь. Спасибо.

Ему бросили холодную банку пива.

Он расстелил полотенце на песок, присел и открыл банку со звучным щелчком.

- Как тебя звать-то? – спросил у него брюнет.

- Стэн, - от этого вранья ему стало так весело и забавно, что он не сдержал улыбки.

Им ни к чему знать его настоящее имя.

- Стэн?! Что ж, меня зовут Джеймс. Это моя девушка, Кэри. А это мой товарищ Рон и его девушка Салли. С нами еще Ван и Глория, но они купаются.

- Рад знакомству, - он вежливо кивнул в ответ.

- Расслабься, Стэн! Здесь все свои! Чувствуй себя, как на родном унитазе – расслабленно и свободно!

Кэри, Рон и Салли рассмеялись со шутки Джеймса. Видимо, Джеймс был их негласным лидером.

- Не хочешь чего-то покрепче, Стэн, - Джеймс предложил ему виски.

- Нет, благодарю. Я ограничусь пивом.

- Тихоня, да? Как скажешь. Отдыхай. У нас тут свободная атмосфера, как видишь.

Джеймс демонстративно повернулся к Кэри и поцеловал ее правую грудь, облизнув языком ореолу соска, напоминающего пенек. Кэри издала приглушенный стон наслаждения, а потом прижалась к парню всем телом и одарила его страстным поцелуем, разорвавшим тишину ночи.

Рон и Салли на время отвлеклись от курева и тоже начали целоваться. А его рука медленно скользила по ее обнаженному животу прямо вниз, между ног. Салли выгнулась дугой и широко улыбнулась. Рон взял банку пива и сделал крупный глоток, а Салли продолжила раскуривать косяк.

А потом со стороны озера раздался радостный смех. Послышались брызги воды. На берег вышли двое: Ван и Глория. Оба полностью нагие. Они смеялись, обнимались, а затем Ван подхватил Глорию на руки и закружил в воздухе. Ван оказался азиатом с черными короткими волосами. Глория – рыжей полненькой девушкой. Они не стеснялись своей наготы.

Он смотрел то на член Вана, который казался ему слишком большим для среднего размера пениса азиата, то на пышные груди Глории. Но сколько бы он ни смотрел, он не испытывал ни малейшего возбуждения. Его это сильно раздражало.

Ван и Глория подбежали к костру, звучно смеясь.

- С возвращением! – крикнул Рон и шлепнул Вана по ягодице.

Все засмеялись.

- О, у нас гости! – воскликнула Глория. – А я не прикрытая!

- Пусть все смотрят, какая ты у меня красивая, - хвастался Ван и потряс руками груди Глории.

Кэри поцеловала Джеймса в шею и сказала:

- У нас царит полная свобода. Никаких стеснений и запретов.

Он хотел бы так же. Очень хотел. Но жизнь каждый раз загоняет его в преступные рамки.

Джеймс представил Вану и Глории Стэна. Голая парочка присела на полотенце, прижалась друг к другу и укрылась одним общим полотенцем. Каждый взял себе по пиву.

Он прижимал банку пива к себе и не мог отвести взгляда от члена Вана, но старался не пялиться, чтобы не вызывать никаких подозрений.

- Тогда выпьем за знакомство! – воскликнул Ван, подняв банку пива.

Все вооружились пивом или виски. Они чокнулись и выпили.

- Расскажешь что-нибудь интересное Стэн? – обратился к нему Джеймс. – Я вижу по тебе: ты – парень умный, да? Поведай нам что-нибудь сногшибательное об этом грешном мире!

Он довольно улыбнулся. Он наконец дождался нужного момента.

- Это я могу, - ответил он.

Все приготовились его внимательно слушать. В такой ситуации он смог расслабиться, взять себя в руки. Он перестал пялиться на маленький член Вана и ушел в свои мысли, сосредоточившись на выступлении перед публикой.

- После того, что я вам расскажу, у вас головы взорвутся!

Слушатели заразились дружным смехом.

- Вот это я понимаю – интрига! – хлопнул Рон.

- Давай, Стэн, мы слушаем! – гаркнул Ван. – Чем ты собрался нас удивлять?

Повисла тишина. Кэри разминала плечи Джеймса, который время от времени глотал виски. Рон и Салли по очереди курили косяк. А Рон в свою очередь иногда ласкал девушку пальцами между бедер, подразнивая ее. Она всякий раз смеялась и убирала его руку, облизыв-

вая пальцы. Ван и Глория грелись под общим полотенцем, прижимаясь друг к другу, словно сиамские близнецы. Они пили пиво и иногда целовались в губы. Общую атмосферу сопровождал лишь треск поленьев в костре.

Он набрал в легкие побольше воздуха и начал:

- Мы с вами привыкли рассматривать сингулярность, послужившую началом нашего пространства-времени, как уникальное, абсолютное событие. Нулевая точка отсчета. Но давайте отойдем от антропоцентрической модели мышления. Почему цикличность, являющаяся фундаментальным свойством столь многих процессов во Вселенной — от вращения планет до пульсации цефеид — должна обойти стороной сам механизм ее существования? Господствующая космологическая модель, Λ CDM, описывает нашу Вселенную как расширяющуюся с ускорением. Однако ключевой вопрос остается: каков ее конечный сценарий? Если плотность Вселенной превышает критическую — а некоторые расчеты, учитывающие невидимую массу скрытых факторов, не исключают этого — то расширение сменится сжатием. Это не будет похоже на падение в черную дыру. Это будет обратный ход времени, Великое Сжатие, или, как его часто называют, «Большой Хлопок». Теперь представим этот процесс не как финал, а как фазу. Коллапс до планковских масштабов. До состояния, где понятия пространства и времени, какими мы их знаем, теряют смысл. Но квантовая гравитация, теория, к которой мы лишь подбираемся, допускает, что в таком сверхплотном состоянии могут возникать флуктуации, способные преодолеть сингулярность. Коллапс порождает отскок. Большой Хлопок становится семенем для нового Большого Взрыва. Таким образом, наша Вселенная может быть не первой, а лишь текущей итерацией в бесконечной, или очень длинной, циклической последовательности. Предыдущие «версии» мироздания могли обладать иными значениями фундаментальных констант: сила гравитации, масса электрона, скорость света. В некоторых из них материя не могла образовать стабильные атомы, и Вселенная угасала, не успев родить звезды. В других, напротив, физические законы позволяли возникнуть формам жизни, непостижимым для нашего воображения. Их миры, их космологии, их философия — все кануло в небытие коллапса, не оставив следов, кроме, быть может, слабых статистических аномалий в реликтовом излучении, которые мы пока не можем однозначно декодировать. Мы живем в золотой век нашей конкретной Вселенной — в эпоху, благоприятную для сложных структур, для галактик, звезд, планет и нас. Но это временно. Расширение замедлится, остановится. Начнется медленное, а затем стремительное падение материи в себя. Галактики сольются в огненную пасту, черные дыры поглотят друг друга, пространство сожмется, а время... время потеряет стрелу. И когда всё схлопнется в точку невообразимой плотности, эта точка станет не концом, а точкой бифуркации. Новым началом. Произойдет фазовый переход, и из пепла нашей физики, наших законов, нашей истории родится новая Вселенная. С другими константами, другим вакуумом, другим набором элементарных частиц. Возможно, в ней тоже кто-то будет смотреть в ночное небо и гадать, одиноки ли они в мироздании, не подозревая, что их мироздание — лишь один виток в великой цикличности космоса. Мы — не ошибка и не венец. Мы — временные жители одной из бесчисленных глав в книге, которая пишет сама себя, чтобы тут же сгореть и родиться из пепла с новым, неизвестным текстом. И этот цикл — возможно, и есть вечность. Наша вселенная не вечна. Но процесс... процесс, вероятно, вечен. Иными словами, наша Вселенная — не первая и единственная. До нее были другие. И другие Большие Взрывы, породившие другие Вселенные. И наша с вами Вселенная тоже когда-нибудь схлопнется. Наступит новый Большой Взрыв. И появится другая большая Вселенная с другими цивилизациями, с другой историей. С другим ходом времени. Время... это лишь физическая величина. Оно настолько относительно и непостижимо. На одном конце планеты уже наступил завтрашний день, а где-то идет вчерашний. Часовые пояса, да? Но это такой бред! Мы же все существуем в едином временном пространстве! Словом, время может существовать, а может и не существовать. И его нет в промежутке между Большим Хлопком и Большим Взрывом. Именно Большой Взрыв порожд-

дает время, запуская его отсчет. А если я скажу, что процесс уже начался? Великое Сжатие идет полным ходом. И мы с вами – наша Вселенная. Это не Большая Вселенная, о которой мы думаем. Она маленькая. Чертовски маленькая! Карманная Вселенная. Черный Домен. И он вот-вот схлопнется, и нас не станет. А потом – новый Большой Взрыв, новая Вселенная, новый виток огромного бесконечного цикла перерождения. Весь наш мир – чертов Феникс! Он сгорает и возрождается из пепла. И очень скоро Фениксу придется умереть... он сгорит... да... очень скоро он сгорит... чтобы возродиться в иной форме и облики – в лице Новой Большой Вселенной. Что вы на это скажете?

Повисла тяжелая тишина.

Никто не говорил ни слова.

Компания друзей, напичканная ядами косяка и алкоголя, пребывала в полнейшем замешательстве.

Никто не решался что-либо сказать в ответ на услышанную речь некоторое время. Первым взял слово Джеймс:

- Знаешь, Стэн... сначала ты мне даже понравился... да, я считал тебя умным малым, но не таким...

Улыбка на его лице померкла. Он не сводил взгляда с серых глаз Джеймса, прислушиваясь к его словам.

- Не знаю, как бы это тебе помягче сказать, но... Лучше заведи себе девушку...

Ван громко усмехнулся, а Рон поддержал товарища, добавив:

- Да! Иди лучше трахни кого-нибудь, а не наши мозги!

Все засмеялись. Но ему было не до смеха.

- Господи Иисусе! – вякнула Салли. – Какой же бред! Вы это слышали?

Они смеялись громче и громче.

Слова, которые они говорили, добивало его окончательно...

И Глория поставила точку:

- Как видишь, наши головы не взорвались!

И именно эти слова заставили его губы растянуться в зловещей улыбке.

* * *

На рассвете шериф Обскура Итан Блэк оцепил весь пляж озера Мосс-Лейк. Ему было важно не затерять следы, оставшиеся с ночи на песке. Они могли привести его к убийце шести молодых людей, у которых странным образом взорвались головы.

Итан ходил по берегу и все фотографировал вместе со своим помощником, Смитом. Он попросил всех остальных сотрудников держаться подальше, чтобы они не спутали следы.

- Он вышел из леса, - размышлял Смит вслух, - откуда он шел – нам не понять. Его след теряется в грязи. Он не шел по тропе. Ясно одно – он вышел из леса и пошел сюда, на пляж. Жертвы сидели у костра. Они славно проводили время, выпивали и купались. А потом... их головы взорвались, будто он всем напихал в рот гранаты! Но никаких осколков вокруг! Неужели он потом бегал и собирал их? Не похоже на то. Если бы это было ружье, способное так раскромсать череп, то мы бы нашли патроны, но их тоже нет! Немыслимо! Мы даже не можем определить оружие убийцы! Похоже, у нас в Обскуре завелся маньяк. И притом весьма изощренный...

Еще одного маньяка Итану Блэку в Обскуре не хватало. Он уже был сыт Стэнли Уилсоном по горло.

Итан Блэк присел, чтобы внимательнее изучить следы на песке. Компания друзей сидела без одежды. Их обувь тоже сложена в кучу. Их следы на песке – босые ноги. Следы убийцы в ботинке. Четкий отпечаток. При этом следы ботинок уходили от кострища в сторону пещер ровной линией. Они нигде не семенялись. Выходит, никакой драки или потасовки не было. Но как это возможно?

Вокруг потухшего костра обнаружили тела шестерых молодых людей. Их личности пока не удавалось установить. Голов-то не было... только кровь и шмотки мяса вокруг.

Их головы взорвались. Как? Чем? Почему? Итан Блэк ничего не понимал. Он тщетно пытался найти всему разумное объяснение.

Итан Блэк старательно вел протокол.

«Характер повреждений: У всех шести жертв зафиксированы катастрофические повреждения головы, классифицируемые как полное или почти полное разрушение черепной коробки.

Механизм: Картина соответствует мгновенному, взрывному воздействию изнутри наружу. Кости лицевого и мозгового отделов черепа фрагментированы и разбросаны по радиусу до 10-15 метров.

Биоматериал: Область вокруг тел и в радиусе распространения костных фрагментов интенсивно загрязнена биологическими жидкостями (кровь, спинномозговая жидкость) и частицами мягких тканей головного мозга. На песок, траву и личные вещи прилипли многочисленные мелкие и крупные фрагменты серого вещества, обрывки кожи волосистой части головы с волосами.

Сопутствующие повреждения: На одежде и открытых участках тел (руки, шея) видны многочисленные точечные вкрапления и смазанные пятна — результат осаждения мелких костных осколков и биоматериала. Остальные части тел визуально не повреждены, что исключает внешнее баллистическое или взрывное воздействие.»

Пока он рассматривал обнаженные тела с взорвавшимися головами, в мозгу вспыхивали воспоминания о недавней поимке несовершеннолетнего убийцы.

Мэри Рассел позвонила поздно ночью и быстро ввела в курс дела. Итан тут же выехал и нагнал красный пикап на выезде из Обскура. Стэнли Уилсон был оперативно задержан и доставлен в участок полиции.

Стэнли Уилсона они долго пытали, но он не раскололся. Он то смеялся, то плакал, но не сознавался, почему совершил убийство Рассела Рассела. Смит – опытный допросчик. Он истязал и пытал малолетку, но тот так и не поддался. Итан помнил, как Стэнли кричал: «Он найдет меня. И убьет. Он убил бы меня, если бы я этого не сделал». Кто этот – «он»?

Но вот, что самое странное и удивительное одновременно. Среди всех бесконечных рыданий и воплей Стэнли Уилсона в память Итана Блэка врезались четыре слова: «Он взорвет мне голову!».

Вывод напрашивался сам собой. Каким-то непостижимым образом Стэнли Уилсон связан с этим маньяком, взрывателем голов. Он знал его. Он видел его, может быть. Эти убийства связаны.

Какая-то чертовщина творилась в Обскуре, и только ему, Итану Блэку, во всем этом разбираться!

- Я не понимаю! – выпалил Смит. – Это же нереально! Как можно без драки взорвать головы шестерым людям и не оставить никаких следов?!

- Только вот следы он как раз оставил...

Итан Блэк последовал за следами убийцы, которые уводили его с места убийства все дальше и дальше, прямо к пещерам в зарослях у кромки воды. Шериф шел по следам ботинок и в конечном итоге забрел в просторную песчаную пещеру.

Пещера являла собой большую залу. Пространство, заполненное чистым песком. На потолке пещеры просматривалось несколько округлых отверстий, через которые тонкими лучиками проскальзывал свет солнца. Итан представил, как здесь может быть красиво ночью, когда белые ленты лунного света проникают через отверстия в крыше и разрезают мрак, освещая пещеру серебристыми лучами.

- Зачем же ты сюда пришел?

Он проследил за цепочкой следов до самого края пещеры, до стены. А на стене Итан обнаружил незамысловатую надпись, высеченную на камне: «Э + Э». После знака равно было изображено сердце.

Записка двух влюбленных. И убийца... помочился на нее.

Вот только жаль, что в Обскуре нельзя провести ДНК-тесты. Для этого нужно писать рапорт в ФБР, а ответа ждать придется несколько месяцев, если они вообще станут замораживаться.

Впрочем, Итан Блэк распорядился, чтобы криминалисты забрали остатки мочи для анализа ДНК.

- Он явно знал, кто скрывается под буквами «Э». И явно презирал эту влюбленную парочку...

А если учитывать то, что убийца жестоко разделался с тремя парами влюбленных на пляже, он в целом ненавидел влюбленных людей. Эта теория казалась безумной, но рабочей.

- Тебе кто-то разбил сердце, верно? Кто-то из этих «Э»?

Когда Итан вышел из пещеры, то все эти мысли казались ему надуманными. Какой-то детский лепет, но ничего другого на ум не приходило. Все перечеркивало странный способ убийства.

Смит прав: как можно взорвать головы и не оставить ни осколков взрывчатки, ни патронов? Если бы убийца собирал их по пляжу, то остались бы следы. Но нет – цепочка следов от ботинок четкой ленточкой тянулась сначала из леса к костру, потом от костра в пещеры, а потом снова наружу и...

- Следы от шин... похоже на пикап.

Убийца угнал пикап друзей и уехал на нем. Итан проследовал за отпечатками шин до самой дороги. Линия поворота вела в сторону по направлению в Обскур.

Маньяк в городе.

- Что-нибудь нашли, шериф? – к нему подбежал помощник Смит.

- След от шин. Это пикап, да?

- Похоже на то.

- Убийца угнал пикап и поехал в Обскур. Найдите мне все пикапы в городе.

- Но их зарегистрировано больше тридцати!

- Найдите их все.

- Слушаюсь!

Смит убежал к машинам полиции, чтобы раздавать указаниями криминалистам. Итан Блэк развернулся к месту преступления. Перед его глазами стояла жуткая картина: обезглавленные тела, брызги крови и ошметки плоти и костей черепов.

- Что же такое? – спросил он тишину.

А потом зазвонил телефон. Это из участка.

- Шериф слушает.

- Сэр, простите, что отвлекаю вас от расследования, но...

- Говори кратко.

- Это касается Стэнли Уилсона.

Глаза Итана вспыхнули.

- Что с ним? Он в чем-то сознался?

- Нет, сэр... нет...

- Тогда что? Не томи!

- Я... я не знаю... как это объяснить...

- Ты разучился говорить по-английски? Докладывай немедленно! Черт тебя побери!

Пауза. Итан слышал сбивчивое дыхание сотрудника участка. А потом голос ответил:

- Сэр... я думаю, что вам лучше самому на это взглянуть...

Глава 5. Лестница! Винтовая лестница!

- Ай!

Элис подпрыгнула и потрясла рукой.

- Что такое? – спросил Энтони.

- Муха залетела, не отстает. Постоянно на руку садится. Противно!

Элис еще раз осмотрелась: улетела.

- Даже не верится, что мы это делаем, - Маркус уставился на тело, накрытое белое простыней, - не могу представить, что там наш Рассел.

Рассела достали из могилы и доставили в морг, в отделение Энтони. На его рабочий стол. Поскольку главным на вскрытии был Энтони, то он смог открыть для своих друзей все двери, чтобы они могли присутствовать вместе с ним во время работы.

Все одели халаты, перчатки, медицинские маски и на всякий случай защитные очки. Они понятия не имели, что может скрываться внутри трупа человека, который оставил перед смертью послание из трех слов: «ОНО ВНУТРИ МЕНЯ».

Энтони стянул простынь с трупа. Ошибки быть не могло. Рассел. Их добрый Рассел Рассел, а вернее – его труп. Обнаженное бледное тело со следами начавшегося разложения.

- Это уже не он, - покачала головой Элис.

- Не скажи... - сглотнул Маркус, - я помню его школьником, помню его живым, помню, как мы вместе тусовались, пили пиво, обсуждали девчонок. Помню, как он вырос. Помню его свадьбу с Мэри. Помню рождение Тома, как он радовался, как он... был живым.

Но Энтони согласился с Элис. Подобное мышление – «Это уже не он» - часть его работы. Сейчас перед ним был не «славный добрый милый Рассел, которого он знал», а кукла... манекен, пустая оболочка. Просто вещь.

Тело, которое может помочь им понять, почему погиб их лучший друг. Человек, который сумел выжить после злосчастной вылазки в Грейстоун-Крофт. Но погибший от пули мелкого безумного мерзавца Стэнли Уилсона.

- В нем нет жизни, нет души, - продолжила Элис.

Она смотрела на труп без того напряжения, которое сидело в ней, пока тело Рассела было накрыто тканью.

- Я не вижу в нем нашего Рассела, - добавила она, - его там нет. Это просто...

Она взглянула на Энтони, который точно понимал о чем говорит Элис.

- Да, Элис. Так и есть. То же самое чувствую я, каждый раз приходя на работу. Это уже не человек. Наш Рассел на Небесах. Во всяком случае... я бы хотел в это верить.

На лице Элис проступила едва заметная улыбка. Энтони стало приятно, что она думает точно так же. Ей тоже хочется верить в то, что за гранью жизни – после смерти – есть что-то хорошее, что-то большее, чем просто тьма и небытие, чем ничего.

Она всегда была романтиком. Как и Энтони. Они в этом с ним похожи.

- Не боишься? – Энтони взглянул на сестру.

- Нет, - Анна покачала головой, - пусть я не знала его так хорошо, как вы. Но то... что я увидела на той кассете... что вы пережили... мне начинает казаться, что Грейстоун-Крофт и смерть Рассела как-то связаны. Я хочу в этом разобраться.

- Если Грейстоун-Крофт и убийство Рассела связаны, как ты думаешь, Анна, то, боюсь, у нас большие проблемы, - резюмировал Маркус.

В этих словах прозвучало их самое главное опасение. Двенадцать лет они боялись вновь столкнуться с тем ужасом, который встретили в стенах проклятого Поместья Грейстоун-Крофт. И вот теперь жизнь их снова толкает лицом к лицу с ужасом прошлого. Если то зло, которое живет в Особняке, повинно или как-то косвенно причастно к смерти Рассела...

Энтони старался всячески об этом не думать и сосредоточиться на задании. В конце концов, он сам предложил эксгумацию Рассела. Именно ему в голову первому пришла мысль вскрыть труп, когда он увидел пугающие кровавые надписи на стене Мастерской. И окончательно убедиться в своем решении его заставили слова Мэри: «Рассел просил ни при каких обстоятельствах не вскрывать его труп».

Завешание самого Рассела поставило окончательную точку в принятии нелегкого решения. И вот труп друга перед ним. И только ему искать ответ на вопрос: «Что скрыто внутри?».

- Надеюсь, меня не стошнит, - поежился Маркус.

Маркус уже огляделся в поисках раковины и присмотрел подходящее место, куда он победит, если ощутит приступ рвоты.

Энтони смотрел на след от выстрела, оставшийся на левой стороне грудной клетки Рассела. Прямо в сердце, между ребер. Смерть наступила почти мгновенно. Бах – и Рассел мертв. всего одно шевеление потного пальца Стэнли Уилсона лишило жизни доброго человека. Человека, который хранил секреты.

- Все готовы? – спросил Энтони у друзей.

Троица переглянулась и кивнула в ответ.

- Хорошо.

Воздух был густым, тяжелым и неподвижным, будто его откачали, а потом заменили химическим суррогатом. Он вязкой массой оседал в легких — сладковато-приторный запах формалина въедался в слизистую, перебивая все остальное. Под ним, как гнилой подтон, сквозили ноты старой крови, сырого мяса и подвальной плесени. Холод сочился из блестящих стальных плит, поднимался от отполированного до матового блеска кафельного пола и сковывал тишину.

Зал, освещенный до безжалостной наготы, напоминал кухню забытого бога. В центре, под низким, гудящим небом из люминесцентных ламп, покоились два стола из нержавеющей стали. Они не просто стояли — они возвышались, как алтари. Их поверхность, рифленая для стока, была безупречно чиста и отражала слепящий свет жутковатыми бликами. Со стороны каждый стол был оснащен хитрой механикой: извивающимися, как черные змеи, шлангами, кранами и мощным отсосом с широким раструбом — безмолвным ожиданием своего часа.

Вдоль стены, как суровые стражи, выстроились холодильные камеры — массивные железные шкафы с тяжелыми ручками. Их глухое, размеренное урчание было басовым фоном этого места.

На краю одного из столов лежала тележка на тугих колесиках. На ней в строгом, почти ритуальном порядке были разложены инструменты. Все предметы лежали на зеленой простыне, каждый на своем месте, как хирургические иконки: большой секционный нож (скальпель «пост-мортем»), реберный нож, два вида ножниц (прямые остроконечные и пуговчатые, с закругленными концами для вскрытия полых органов), костные кусачки Листона, пила, металлический молоток, мерные стаканы, деревянная колодка под голову, иглы-наводки и моток жесткого крученого шпагата.

- Начинаем.

Энтони взял инструменты и встал у головы Рассела.

- Сразу с головы? – ужаснулся Маркус.

- Я всегда начинаю с нее, привык. Лучше сразу разделаться с головой, а потом заняться остальным телом.

- Ладно... как скажешь.

Пришло время узнать, что Рассел скрывал от всего мира. Для патологоанатома не существует секретов.

- Приступим.

Энтони подложил деревянную колодку под шею покойного, запрокинув голову. Он сделал разрез скальпелем от одного уха до другого через макушку, огибая ее сзади. Затем с силой стянул кожу головы с черепа: лицевой лоскут — вперед, на лицо, закрыв его; затылочный — назад. Обнажилась белая, матовая кость черепа, пронизанная тонкими сосудами.

- Ох, Господи Боже! – Маркус прикрывал рот ладонью, то отворачиваясь, то поворачиваясь к месту свершения действия.

Анна смотрела внимательно. Она впервые созерцала работу брата, и происходящее ее завораживало. Тяжелее всего было думать о том, что Рассел был другом Энтони. И теперь ему пришлось идти на такое.

- Сейчас будет немного неприятно, - предупредил Энтони и взял пилу.

Раздался высокий визг, резонирующим в кости. Он сделал циркулярный распил черепной коробки по всей окружности, на несколько сантиметров выше надбровных дуг и ушей. Работал осторожно, чтобы не задеть мозг. Когда круг замкнулся, он вставил металлический долот-подъемник в пропиленный и рычажным движением приподнял и снял свод черепа.

- Вот и готово!

Под черепом, в твердой мозговой оболочке, похожей на пергамент, лежал головной мозг. Серый, извилистый, оплетенный паутиной сосудов. Энтони перерезал черепные нервы, спинной мозг у основания и аккуратно, двумя ладонями, как драгоценность, извлек мозг целиком. Затем сделал последовательные горизонтальные или фронтальные разрезы, изучая каждую дольку и желудочки.

- Мозг Рассела, - прокомментировал Маркус, - невероятно!

- Там ничего нет? – поинтересовалась Элис.

- Ничего. В черепе только его мозг, никаких посторонних объектов. Все, как у обычных людей.

Элис выдохнула, и было странно: почувствовала ли она сейчас облегчение или разочарование.

Они еще не нашли то, что искали. Они даже не понимали, что конкретно им нужно найти. Поиски пришлось продолжить.

- Можете сами взглянуть, - Энтони передал мозг Рассела в руки Анны.

Маркус не желал прикасаться к нему, а вот Анна и Элис изучили орган, словно пытались увидеть то, чего не смог обнаружить Энтони, но тщетно. Мозг как мозг.

- Теперь следующий этап...

Лезвие блеснуло под ярким светом прожектора. Энтони встал справа от тела. Первый разрез — классический «вскрышный» разрез по линии Леттеррера. Он начал его от яремной вырезки грудины, вел по средней линии, обходя пупок слева, и закончил над лонным сочленением. Разрез был глубоким, уверенным, одним движением, рассекающим кожу, подкожную клетчатку и тонкую пленку поверхностной фасции. Затем — второй разрез, от середины первого, к правой, а затем к левой подмышечной впадине, образуя широкую букву «Y». Это был ключ, отпирающий грудную клетку и брюшную полость.

- Ох, черт, поверить не могу в то, что мы это делаем, - Маркус сделал несколько шагов назад.

Ему становилось не по себе от происходящего, но Энтони продолжал работу.

Кожа с жировой клетчаткой и мышцами аккуратно отслаивалась двумя руками, образуя кожно-мышечные лоскуты. Открылась белесая, блестящая поверхность реберных дуг и прямых мышц живота. Энтони взял реберный нож — короткий, с массивным, слегка закругленным лезвием. Он ввел его под левую реберную дугу и одним резким, но контролируемым движением рассек мышцы и брюшину по всей длине разреза. Затем повторил с правой стороны.

- Готово.

Открылась брюшная полость. Энтони замер на секунду, оценивая первое впечатление — нет ли массивного кровоизлияния, гноя, странного цвета жидкостей. Запах усилился, стал сложнее, многослойнее. Он включил отсос, подвел наконечник, убрал небольшое количество прозрачной желтоватой жидкости.

- Сейчас будет второй неприятный момент. Я сделаю это быстро.

Теперь — грудная клетка. Энтони взял пилу. Ее жужжание, резкое и визгливое, нарушило тишину, заставив содрогнуться даже привычный воздух. Он аккуратно, под углом, распилил реберные хрящи по обе стороны от грудины. Работал осторожно, чтобы не повредить легкие и сердце под ними. Положил пилу. Взял костные кусачки Листона, похожие на огромные щипцы для орехов, и перекусил ключицы у грудины. Затем широким движением, словно открывая тяжелую крышку, приподнял и снял весь реберный щит (грудину с прикрепленными реберными дугами).

- Можете проверить. Я не вижу здесь ничего особенного.

Анна и Элис склонились над столом. Маркус оставался в стороне, поглядывая издали.

- Надеюсь, мы не совершаем большой ошибки, - впервые сказал это вслух Энтони.

Открылась грудная полость. Два легких, розовато-серые, с темным угольным рисунком, лежали по бокам, прикрывая своим перикардом, словно саваном, темно-красный мешок сердца.

- Я ничего не вижу особенного, - подтвердила Элис.

От этих заключений им становилось не по себе. Энтони впервые начинал задумываться: «Не ошибка ли это?». Правильно ли он поступает, что потревожил покой могилы Рассела? Что тревожит его тело? Что прямо сейчас вскрывает своего друга из-за каких-то мнимых предположений и догадок?!

Не оскверняет ли он сейчас самого Рассела? Его память? Его порядочность?

Может, все это — безумие?! И сейчас безумен он сам? Безумие в том, что он вскрывает своего друга, гоняясь за призраками тайн? Может, Рассел был болен? И Стэнли Уилсон болен? И один безумец застрелил другого? Может, ему просто трудно поверить в то, что его друг спятил?

- Если там ничего нет... - Энтони начал переживать.

- Продолжай.

Элис верила. Она поддерживала Энтони. Она чувствовала, что они обязательно что-нибудь найдут. Это только начало.

Энтони кивнул, ощутив прилив уверенности после поддержки Элис, и вернулся к работе.

- Мы найдем, - произнесла Анна, - обязательно найдем... что-нибудь... я чувствую...

Энтони ввел пальцы под диафрагму, отделил ее от позвоночника. Затем, взяв гортань и трахею одной рукой, он начал послойно, методично отделять все органы грудной и брюшной полостей единым блоком, как переплетенные корни древнего дерева. Работал в основном пальцами и тупой стороной скальпеля, перерезая связки, сосуды, пищевод. Это была ювелирная, почти скульптурная работа.

- Вот так!

Наконец, весь комплекс — язык, гортань, легкие, сердце, печень, желудок, кишечник, селезенка, почки — единой, тяжелой массой был перемещен в большой металлический лоток на соседний стол.

- Теперь нам нужно провести ревизию каждого органа. Других идей у меня пока нет.

- Приступай, Энтони, все хорошо, - кивнула Элис, - мы с тобой.

Маркус зажимал рот и нос. Он стоял в стороне наблюдая издали, не решаясь подойти ближе. Его трясло от одной лишь мысли, что они разделили тело Рассела.

Их доброго славного Рассела...

Тело на основном столе опустело, остался лишь позвоночный столб, таз и пустая чаша черепа. Энтони взял мерные стаканы. Подсоединил к шлангу специальную кювету и начал аккуратно, через разрезы в предсердиях, промывать полости сердца физиологическим раствором. Вода, окрашенная в розоватый цвет, стекала в кювету, чтобы позже измерить объем смывной крови.

- Давайте посмотрим органы.

Анна и Элис подвинулись к столу с комплексом органов поближе. Они, словно две студентки, стояли по обе стороны от преподавателя – Энтони, - внимая каждому его слову и движению.

Сердце. Энтони отрезал его от легких, срезал крупные сосуды, положил на весы. Затем длинным ножом вскрыл его по току крови: от верхушки через правый, затем левый желудочек, чтобы обнажить клапаны и перегородки. Изучал толщину стенок, состояние миокарда, просвет сосудов.

- Ничего? – спросил он у «ассистенток».

- Ничего, - кивнула Анна.

Легкие. Каждое отдельно. Энтони ощупал их пальцами, проверяя на крепитацию или уплотнения. Затем сделал продольные разрезы по всей поверхности, раскрыв бронхиальное дерево, как странный, мокрый коралл.

- Тоже ничего.

Печень. Исследовал ее плотную, упругую поверхность, сделал несколько параллельных разрезов, изучая рисунок долек и цвет.

Снова поиск не увенчался успехом. Опять пусто.

- Дальше. Возьми почки, - велела Анна.

Энтони подчинился. Он рассек каждую коронарным разрезом, как яблоко, обнажив корковое и мозговое вещество, лоханку. Брызнула моча, струйкой стрелкнув в сторону Элис.

- Ай! Черт!

Она успела отскочить, но капли все же попали на халат.

- Нашли что-нибудь? – спросила она.

- Ничего, - разочарованно произнесла Анна.

Маркус наконец набрался храбрости, преодолел брезгливость и присоединился к друзьям.

- Что-то есть? – спросил он.

- Пока – нет, - ответил Энтони, - давайте разрежем желудок.

Желудок вскрывался ножницами по свободному краю. Когда Энтони наконец раскрыл его стенки, то остолбенел.

Мир остановился.

Все замерли, затаив дыхание.

Несмотря на то, что они отчаянно пытались найти что-то необычное, они искренне думали, что ничего не найдут...

Но они нашли.

Они смотрели, и все их представление о мире в одно мгновение пошатнулось. Реальность словно раскололась. И жизнь поделилась на «до» и «после».

То, что они видели, нельзя было объяснить никакой наукой, никаким здравым смыслом. Догадка о том, что смерть Рассела может быть связана с Грейстоун-Крофт уже не казалась такой фантастической.

Чем дольше Энтони смотрел на то, что они нашли в желудке Рассела, тем сильнее ледяная дрожь сверлила у него в затылке. Ему казалось, что он спит. Все это – безумный сон. Это не реальность. Это не правда. Надо проснуться...

Ведь это – безумие...

Какое-то время никто не мог произнести ни слова. Все четверо созерцали немислимую картину, открывшуюся после разреза желудка. Они понимали: их мир вовсе не такой, каким они его себе представляли.

Обскур только начал удивлять... и пугать.

«Это лишь начало», - подумал Энтони.

- Невозможно, - первым нарушил тишину Маркус.

Но оно стало возможным!

- Как... - в глазах Элис стояли слезы.

Анна застыла с приоткрытым ртом. Ее пальцы тряслись от шока.

- Что это? – спросила Элис.

Впрочем, ответ был простым.

- Лестница! – выпалил Маркус. – Винтовая лестница! Такая, как на картинах Рассела в Мастерской! Но как?! Блядь! Как?! Как она оказалась у него в желудке?!

«ОНО ВНУТРИ МЕНЯ» - писал Рассел кровью на стенах, пока рисовал винтовые лестницы на холстах.

Лестница...

Лестница, лестница, лестница... внутри желудка! Винтовая лестница вела в темную пропасть!

Маленькие ступеньки, уходящие глубоко во мрак.

Маркус даже нагнулся и заглянул под стол, чтобы проверить самую безумную идею – есть ли под столом провал?

- Там ничего нет, - мигом ответил он.

Перед ними открылся какой-то парадокс: глубокая винтовая лестница в желудке... она вела куда-то... в иное измерение...

- Черт! Дева Мария, я не хочу сходить с ума! – заорал Маркус, хватаясь за волосы, расхаживая по секционному залу взад и вперед, - мне не место в Эзелгарде! Меня там заколют транквилизаторами, и я стану овощем! Mamочки! Господи Боже... за что мне это? За что?! Какого хрена начало творится в моей жизни?!

Элис подбежала к Маркусу, схватила его за плечи и заставила остановиться. Она смотрела ему в глаза и твердо говорила:

- Возьми. Себя. В руки. Маркус.

- Элис...

Пощечина.

Маркус застыл.

- Легче стало? – спросила его Элис.

- Не... немного... Но... как?..

- Я не знаю! Маркус, но это происходит. Давай сохранять самообладание и не паниковать раньше времени. Мы еще не знаем, с чем имеем дело, ладно? Прошу тебя, будь благоразумным. Не устраивай паническое шоу. Нам всем тоже не по себе.

- Ладно, я... постараюсь... простите...

- Ничего. Давай вернемся и еще раз все проверим.

Элис и Маркус подошли к столу с органами. Энтони и Анна изучали винтовую лестницу, ведущую из желудка Рассела в небытие.

- Она такая же, как на картинах, - произнесла Анна, - точь-в-точь...

- Думаешь, Рассел знал, что она внутри него? – спросил Энтони.

- Очевидно, да. Вопрос в том... как он это понял? Как он ее почувствовал внутри себя?

- Ясно одно: Рассел точно о ней знал, раз попросил Мэри не вскрывать его тело, - заключила Элис, - он не хотел, чтобы кто-то это нашел. Но мы нарушили его последнюю волю и нашли... секрет Рассела... эта лестница...

- Она... правда, настоящая? – Маркус осторожно потянулся пальцами к ступенькам. Когда кончики его пальцев коснулись каменной маленькой ступеньки, Маркус вздрогнул.

- Что такое? – испугалась Элис.

- Она настоящая... камень... это камень!

Энтони, Анна и Элис по очереди проверили лестницу. Они трогали каменные ступеньки, ведущие куда-то глубоко. Лестница настоящая – сомнений не осталась. Это реальный объект, а не плод их воображения.

- Мы же не могли надышаться формалином? – с некоторой усмешкой поинтересовалась Элис у Энтони.

- С ума сходят по одиночке, - ответил он, - групповые галлюцинации крайне редки. Все же я склонен верить в то, что мы еще в своем уме. В отличие от реальности...

- Но что там? – задала Анна главный вопрос.

Элис достала из кармана телефон, включила фонарик и посветила внутрь винтового прохода.

- Что-то видишь? – Маркус не сдержал любопытства.

- Ничего. Лестница уходит очень глубоко. Там, где кончается свет, начинается темнота. Я ничего не вижу.

- До глубины лестницы мы вряд ли сможем добраться, - Энтони сделал попытку и засунул указательный палец в проход, пытаясь что-то нащупать, - я ничего, кроме ступеней, не чувствую. Спуск глубже, чем мы можем себе представить. У меня пока нет идей, как добраться до дна.

- Подумаем об этом позже. Сперва нужно выяснить, как это могло произойти... и еще – мы будем говорить Мэри?

Только озвучив этот вопрос, Элис и сама догадалась об ответе.

- Не стоит лишний раз калечить ее пошатанную психику, - решил Энтони, - мы ничего не скажем Мэри. Если спросит: мы ничего не нашли, ясно?

Остальные твердо кивнули. Они решили, что это здравая мысль. Мэри вряд ли им поможет. Она ничего не знала. Искать ответы им придется самим.

- Но что нам теперь делать? – не понимала Анна. – Послание Рассела на стенах Мастерской не оказались бредом сумасшедшего. «Оно», действительно, оказалось «внутри» него! Он не обманул! Он точно что-то знал! Какой будет наш следующий шаг?

Энтони уже знал о том, что собирается сделать дальше, как только увидел лестницу внутри желудка Рассела. Он поделился своими мыслями с остальными:

- Во всем мире есть только один человек, который знал тайну, Рассела. Стэнли Уилсон.

Глава 6. И стал он слизнем

Шериф Итан Блэк выглядел уставшим. Под зелеными глазами растекались грубые серые мешки человека, который, казалось, не спал уже несколько дней. Небритая трехдневная щетина постепенно уже проступила на шее неровными черными мазками. Темные короткие волосы растрепанные, как у беспризорника. Голову он тоже не мыл. Слегка помятая полицейская форма, а шляпа шерифа висела на спинке кресла и покрывалась слоями пыли. Сколько бы Энтони на него ни смотрел, он не мог распознать, сколько шерифу Блэку лет. За тридцать или уже ближе к пятидесяти? Измотанность, усталость и неопрятный внешний вид добавляли лицу годы. При этом шериф оставался в хорошей форме, он явно следил за собой. Или работа заставляла часто заниматься физической активностью. Энтони чувствовал, что этот человек очень вынослив и точно сможет пробежать километр без одышки, или с минимальной одышкой. Но вот только сейчас Итан Блэк слишком замучен работой.

За соседнем столиком кабинета шерифа сидел его помощник, Смит. Седовласый опытный сотрудник с отросшим брюшком. Грубая серая борода, глубокие черные глаза и розовые пятнышки на правой щеке. Смит писал какие-то бумаги, и Энтони заметил красноту на костяшках его крупных пальцев.

Полицейские участок принял заявившуюся компанию с прохладной. Если не сказать – с неприязнью. Тут явно были не рады незванным гостям.

Энтони, Элис, Маркус и Анна стояли в ряд перед рабочим столом шерифа Блэка, словно провинившиеся ученики, которых вызвали «на ковер» к директору школы.

- Повторите еще раз. Кто вы?

Вопрос Итана прозвучал сухо и безжизненно. Было видно, что они ему совершенно неинтересны. Он хочет от них избавиться, чтобы вернуться к работе.

Энтони старался всем видом внушить шерифу доверие и взял слово:

- Мы – друзья Рассела Рассела. Мы его знали еще со школы, он был нашим другом. Вместе мы ставили постановку «Сон в летнюю ночь» в выпускном классе.

Итан выгнул бровь и указал кончиком карандаша на Анну.

- Она слишком молода для школьного друга Рассела Рассела.

- Ох, это моя сестра, шериф, - Энтони быстро среагировал, - приехала в Обскур на лето. Она из Нью-Йорка.

- Здравствуйте, - Анна вежливо поклонилась.

Шериф Блэк закатил глаза и пробормотал:

- Странный выбор места, чтобы провести летние каникулы.

Итан и Смит устало переглянулись.

- Что вам нужно? – шериф вернулся к делу и посмотрел на Энтони.

Энтони набрал в легкие побольше воздуха и выдал:

- Мы бы хотели поговорить со Стэнли Уилсоном. Нам кажется, что мы сможем у него выведать мотив убийства нашего друга.

- Мотив? – усмехнулся Итан Блэк. – Слыхали, мистер Смит? Они думают, что смогут разговорить Стэнли Уилсона?

Смит, отвлекшись от писанины, рассмеялся и показал гостям свои кулаки.

- Эти руки не смогли выбить из него ни слова! Ребята, у меня в этом деле большой опыт. Я – профессионал допроса. Этот мерзавец так и не раскололся. С чего вы взяли, что у вас получится?

- У нас есть... возможность... надавить на его слабые места... - аккуратно выразился Энтони.

- Вот как? – переспросил Итан. – И откуда вам о них известно? Вы лично знали Стэнли Уилсона?

Энтони растерялся. Он не хотел выкладывать шерифу всю правду. Почему так сложно увидеть преступника? Просто отведите к нему!

- Мы с ним не были лично знакомы, но у нас есть некоторые мысли, которые могли бы... Но Итан Блэк не дал договорить. Он всплеснул руками и забасил:

- Все это не имеет никакого значения! Вы не видели этого подонка. Смит его колотил с утра до ночи, но он не ответил ни на один наш вопрос. Уилсон псих. Сумасшедший. Он закатывал бешенные истерики. Пришлось подключить доктора Харриса – психиатра лечебницы Эзелгард. Он приходил в участок в сопровождении двух санитаров и медсестры. Мы пускали их в камеру Уилсона. Санитары держали ублюдка, пока медсестра делала ему уколы транквилизаторов в бедро. Доктор Харрис наблюдал за процедурами. Лекарства его не брали от слова совсем! Как бы сильно доктор Харрис ни увеличивал дозы, какие бы альтернативные препараты ни использовал – все в холостую! Стэнли Уилсон – настоящий псих. Он не засыпал ни на минуту, а его истерики продолжались часами. Это было просто невыносимо! Все наши действия в попытках что-либо вывести у этого паршивца о мотивах убийств оказались бесполезными. Мы ничего не узнали!

Энтони собрался с мыслями и настоял:

- И все же. Шериф. Можем ли мы посмотреть на него?

Итан Блэк обреченно вздохнул и снова переглянулся со Смитом. Помощник ответил спокойным кивком.

- Вы очень невовремя... У меня тут завал! Шесть трупов!

- Что?! – ужаснулась Элис. – Убили еще кого-то?

- Это вас не касается. Хотели увидеть Стэнли Уилсона? Что ж... я вам покажу Стэнли Уилсона. Пойдемте.

«Сработало» - обрадовался Энтони. Да, Итан Блэк долго ломался, но в конце концов сдался и согласился провести друзей к камере заключения Стэнли Уилсона.

Энтони не терпелось встретиться с убийцей своего друга лицом к лицу.

Итан Блэк провел процессию через коридоры полицейского участка. Тут и там семенили сотрудники полиции, бегали с телефонами и бумажками. Постоянно здоровались и прятались в кабинеты. В участке творилась суматоха. У них что-то случилось.

«Шесть трупов. Что происходит в Обскуре?» - не понимал Энтони. Впрочем, он не удивился своему незнанию новостей. Телевизор он давно не смотрит.

Итан провел их через массивные железные двери, и они оказались в темном бетонном коридоре с камерами за решетками. Сотрудник маленькой тюрьмы подскочил с рабочего места и поприветствовал шерифа.

Все камеры были пусты. Итан вел их в самый конец туннеля. Энтони чувствовал будто сейчас его приведут к камере со стеклянной стеной, за которой будет сидеть монстр похуже Ганнибала Лектора. Но ничего подобного не произошло.

Итан Блэк остановился у очередной самой простой камеры с металлическими прутьями.

- Вот ваш Стэнли Уилсон! – театрально объявил Итан Блэк.

Но камера была пуста.

На бетонном полу разлита зловонная склизкая лужа чего-то водянистого, неприятно серого цвета.

Все четверо с недоумением уставились на шерифа.

- Он сбежал? – предположила Анна.

- Отсюда еще никто никогда не сбежал, - ответил Итан, - у меня тут не Рай, побегов не было за всю историю, пф!

Четверка друзей разглядывала лужу на полу. Энтони терялся в догадках. Он понимал: что-то тут случилось.

«Опять какая-то мистическая хрень», - решил он.

- От него мокрое место осталось?! – озадаченно бросил Маркус.

Итан легко усмехнулся.

- В самую точку! Идемте, я покажу вам кое-что...

Шериф провел их через маленькую дверцу на другой стороне туннеля. Они оказались в наблюдательном пункте. На стене висел десяток экранов, которые передавали изображения со всех уголков полицейского участка и его окрестностей. За мониторами наблюдал пухлый рыжий сотрудник. Он прямо сейчас доедал пончик, запивая его колой в стаканчике через трубочку.

- Шериф Блэк! – полицейскому понадобилось время, чтобы подняться с места.

- Сиди-сиди, Джо, - успокоил его Итан.

Энтони предположил, что скорее всего здесь его называют Большой Джо.

- Вы что-то хотели? – поинтересовался Джо.

- Покажи нам записи камер слежения за Стэнном Уилсоном. Нас интересует прошлая ночь.

- Да-да, конечно, сейчас-сейчас.

Джо принялся быстро печатать пальцами по клавиатуре и интенсивно водить мышкой. Четверо друзей стояли за спиной Джо и смотрели на экраны мониторов. Они терпеливо ждали.

- Вчерашняя ночь в Обскуре оказалась слишком богатой на события, - подметил Итан Блэк, - но это... эта чертовщина превзошла все мои ожидания... Стэнли Уилсон нас удивил...

Через пару минут на самом большом мониторе появилось изображение с камеры видеонаблюдения. Камера Стэнли Уилсона, вид сверху. Настил и унитаз. Маленькое окошко под потолком. Сам Стэнли сидел в центре камеры на полу на коленях лицом к стене и качался из стороны в сторону.

- Время – десять часов вечера, - подсказал Итан Блэк, - это вчерашняя запись.

Стэнли Уилсон был абсолютно голый. А на всю спину красовалась жуткая надпись-татуировка: «ВСЕ ЖЕНЩИНЫ – ШЛЮХИ».

- Почему он голый? – спросила Элис.

- Его начало бросать в проливной пот. Я связался с доктором Харрисом. Спросил, может ли это был побочный эффект транквилизаторов. Он сказал, что очень маловероятно. Стэнли Уилсона мучала ужасная жажда. Он постоянно просил воды. При этом он совсем не мочился и не испражнялся, а только потел. Так сильно потел, что одежда намокала стремительно. Ее не успевали менять каждый час. В итоге ему это все надоело, и он решил раздеться догола.

Энтони внимательно изучал тело Стэнли Уилсона. Оно усыпано ранами и гематомами. Смит хорошо старался...

Потом Стэнли Уилсон сложил руки вместе. Он молился.

И запястья его были перебинтованы.

- Почему бинты? – заметила Анна.

- Ах, это! – хмыкнул Блэк. – Этот псих перекусил себе запястья. Зубами. Да. Сам. Сильно пошла кровь, а он... он попросил бумагу, но не ручку, ни карандаш. Впрочем, мы бы ему все равно ничего не дали. Но бумагу дали. Черт с ней! И он перекусил запястья, а потом макал пальцы в лужу крови и писал заметки.

- Заметки? – переспросил Маркус.

- Да, его творчество хранится у меня в кабинете. Я потом вам всю покажу. Сперва вам нужно узнать куда он делся, верно? Смотрите!

Кадры быстро сменялись. Стэнли Уилсон сначала долго молился, потом ходил кругами по камере, потом стоял у решетки, потом скидывал с себя пот. Он прыгал, кричал, стучал кулаками по стене, а потом лег на настил.

- Давай, Джо, - командовал Итан Блэк, - покажи им, что случилось ночью.
- Слушаюсь, шериф.
- Смотрите внимательнее. Ничего не пропустите.

Энтони наклонился ближе к экрану. Все четверо с нездоровым любопытством уставились на монитор.

23:14:00 Стэнли Уилсон сидит на настиле, прислонившись к стене. Он обнимает себя за плечи, слегка покачивается. Дышит ртом, часто и поверхностно.

23:30:15 Стэнли начинает чесать предплечье. Сначала рассеянно, затем все интенсивнее. Под ногтями остается что-то блестящее и влажное, не кровь. Он смотрит на пальцы, подносит их к глазам. На лице – растерянность и страх.

23:45:50 Кожа на тыльной стороне его ладоней и на щеках начинает терять матовость. Она приобретает странный, перламутрово-жирный блеск, как у перезревшего винограда. Он сжимает и разжимает кулаки, и кожа на костяшках пальцев не натягивается, а медленно, как густой сироп, сползает в складки, обнажая на мгновение влажные, желтоватые сухожилия, которые тут же покрываются новой, полупрозрачной пленкой.

- Какого... хрена... - сорвалось с губ Маркуса.

00:05:10 Контур тела начинают «плыть». Силуэт теряет четкость. Плечи как будто сползают вниз, к грудной клетке. Шея укорачивается, подбородок медленно сливается с областью ключиц.

00:20:30 Стэнли Уилсон пытается встать. Его ноги негибаются в коленях привычным образом. Они изгибаются дугой, как конечности морского тюленя, лишенные твердой костной структуры. Он падает с настила на бетонный пол с тихим, влажным шлепком. Звук на записи – глухой, тягучий. Он не кричит. Из его рта вырывается булькающий, гортанный звук.

00:35:00 Лежащее на полу тело уже лишь отдаленно напоминает человеческое. Это продолговатая, пульсирующая масса цвета мокрого асфальта, с редкими островками еще бледной кожи, которые плавают на ее поверхности, как жир на супе. Из массы выступают остатки костей, но они не ломаются – они размягчаются, как пластмасса в паяльной лампе, изгибаясь в невозможных для биологии углах. Позвоночник виден сквозь полупрозрачную плоть – он похож на темную, гибкую хорду глубоководного существа.

- И стал он слизнем! – хлопнул Итан Блэк в ладоши. – Ба-бам!
- Проклятье! – добавил Маркус. – Какого черта с ним...
- О, дальше будет еще интереснее.

00:50:15 Контур массы перестают удерживать какую-либо форму. Она медленно растекается по бетону, подчиняясь силе тяжести. В центре еще видна бесформенная выпуклость – бывшая голова, с двумя темными впадинами на месте глаз и щелью рта, которая медленно закрывается, зарастая слизью. Конечности уже неотличимы от основной массы.

01:15:00 Процесс ускоряется. Масса теперь – это просто большая, дрожащая лужа органической слизи диаметром около метра. Она имеет сложную, отталкивающую структуру: ее поверхность покрыта мелкими пузырьками, которые лопаются, выпуская струйки пара. В толще иногда просвечивают более темные сгустки – возможно, остатки внутренних органов, превращенные в желе. Лужа слегка пульсирует, как огромная одноклеточная амeba.

- Ох, как это вообще возможно? – не понимала Элис.

01:40:00 Пульсация прекращается. Слизь начинает впитываться в пористый бетон пола, оставляя влажный след, но основная часть просто... испаряется. Не с дымом и шипением, а с тихим, противным чавкающим звуком, будто мокрую тряпку выкручивают. Объем катастрофически уменьшается.

02:05:00 На бетонном полу камеры остается лишь мокрое пятно неправильной формы. Оно темно-серое, почти черное, с радужным, нефтяным отливом. Больше ничего. Ни костей, ни кожи, ни ткани. Ничего, что могло бы свидетельствовать о том, что здесь несколько часов назад находился человек.

- Действительно, - сглотнула Анна, - одно только мокрое место осталось.

И Энтони тут же поразила вспышка воспоминаний. Похороны Рассела. Мэри в истерике проклинает Стэнли Уилсона. Она кричит: «Пусть эта тварь сдохнет в тюрьме! Пусть его там изнасилуют! Пусть он заболеет СПИДом или сифилисом и сгниет! Пусть его тело съедят червяки! Пусть он превратится в мерзкого жалкого вонючего слизня! Да, в слизня! И сдохнет самой мучительной смертью!».

- Проклятье Мэри Рассел исполнилось, - произнес Энтони вслух.

- О чем ты? – не поняла Элис.

- На похоронах Рассела Мэри прокляла Стэнли Уилсона. Она пожелала, чтобы он превратился в слизня и умер в тюрьме. Так и случилось!

- Да, - кивнула Анна, - я тоже это помню! Как же она тогда злилась на него!

А потом Итан обратился к собравшимся:

- Итак, вы можете это объяснить?

Ответом послужила тишина.

- То-то же!

Через несколько минут они вернулись в кабинет шерифа. Смит, довольно ухмыляясь, спросил:

- Как вам кино, а? Жутко, не правда ли?

Никто ему не ответил. Энтони находился в полной растерянности. Единственный, кто мог знать тайну Рассела, растаял! Сначала лестница в желудке, теперь превращение в слизня...

Что еще ждать от Обскура?

Итан Блэк уселся за рабочий стол и выдвинул нижний ящик. Он извлек на свет небольшую кипку бумаг, завернутую в пакет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.